

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Олег НЕСТЕРЕНКО

**Джуд Леннокс и с чем его едят,
или**

Все ведьмы делают это

Из романа «Рыцарь и ведьма»

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Н 56

Нестеренко, Олег Владимирович

Джуд Леннокс и с чем его едят, или Все ведьмы делают это :
Из романа «Рыцарь и ведьма» / Олег Нестеренко ;
ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ;
Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная
система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб
любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011 . – 68
с. : портр., ил.

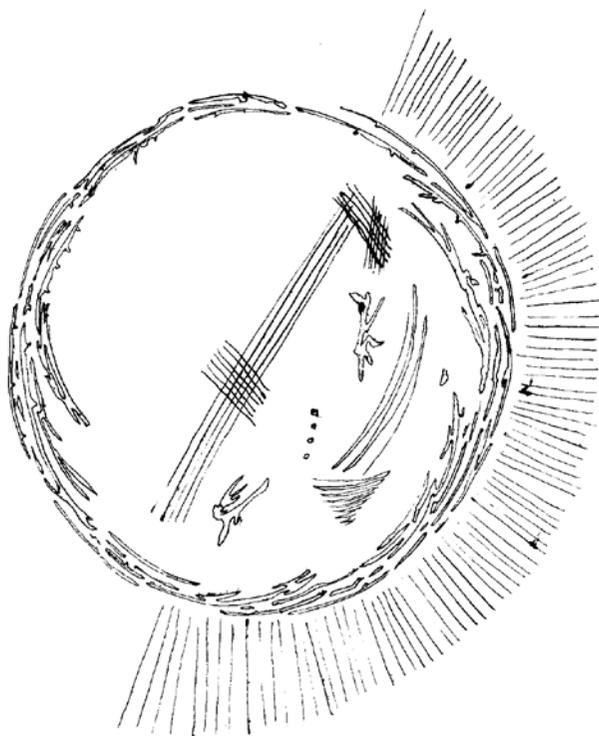
©Нестеренко О.В., 2011
©Рисунки на обложке и в тексте – Константина Егорова
Фото Сергея Загнухина

НЕСТЕРЕНКО Олег Владимирович родился 12 ноября 1984 г. в г. Новокузнецке. Гимназию № 11 окончил с золотой медалью в 2002 г. Закончил в 2007 г. отделение романо-германской филологии филологического факультета Томского государственного университета. В данное время – преподаватель Томского госуниверситета. В 2010 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Поэма Н.В.Гоголя «Мертвые души» в англоязычных переводах XIX–XXI вв.».

В КЛФ «Контакт» пришел в сентябре 1999 г. Первая публикация – сказка из цикла «Сказки королевства Мелдор» «Тортик для эльфа» – была опубликована в газете "Губернские ведомости" 19 мая 2001 г.

Роман «Рыцарь и ведьма» пишется несколько лет. Впервые отрывок из него был опубликован в газете «Кузнецкий рабочий» 10 апреля 2008 г. в страничке, посвященной 30-летию КЛФ «Контакт».

*Глава Пятая, в которой сон на рабочем месте оказывается
эффективным розыскным методом*

Поразмыслив, я решил не останавливаться за казенный счет в отеле, а пожить какое-то время у своих дальних родственников в замке Вальмонсо́. Они пригласили меня, как только узнали, что на днях я должен прибыть в провинцию Лэ. Еще бы они не пригласили! – ведь родственный долг в данном случае подкреплялся юридически: замок, на самом деле, принадлежит моему дяде Августу, а он уже глубокий старик, так что действительными владельцами Вальмонсо можно считать меня и Веру. Впрочем, здесь я предвосхищаю пока что не составленное дядино завещание.

– Джуд, а мы о вас все знаем! – забирая у меня один чемодан, говорит этот парень, кузен жены моего... в общем, Антон. Так его зовут.

От такого заявления я не сразу выпускаю ручку чемодана. Может, дать деру, пока не поздно запрыгнуть обратно на поезд?

– Да, да! Столичные газеты доходят до нас с опозданием, зато здесь это еще свежая новость: Джуд Леннокс победил дракона, с которым не мог справиться весь его орден. Прямо не верится: такой герой! У вас там в сумке – не голова его, я надеюсь?

Значит, в этих краях новости долго остаются свежими. Я уже и забыл про это дело – к успокоению своей совести. Надо же.

– Вот погодите, скоро узнаете еще, как я прикончил волшебника Мерлина, перед этим опоив его в собственной камере! Антон, и давай на «ты»?

– Мерлин? Это тот маньяк, который?.. Что же он там сделал?.. А его что, поймали?

– Ага. Больше сотни лет назад. Так что я бы со дня на день поджидал газет с подробностями.

– Издеваетесь? – одобрительно кивает Антон. – Вон моя машина. Это у вас... у тебя меч? С ума сойти. Ну держись, Джуд! Мои сестры уже прямо извелись от предвкушения, они тебе покоя не дадут. Боюсь, тебе придется переспать с ними со всеми.

Тут я опять затрусил, но для бегства уже слишком поздно: поезд, на котором я приехал, издает протяжный гудок и, окутываясь паром, тяжело трогается с места. Что же меня никто не предупредил о страшной тайне Вальмонсо: что замок – это, на самом деле, логово истомившихся половозрелых самок, жаждущих залучить к себе одинокого рыцаря? Переспать со всеми! Мог бы выйти сюжет для очередного фильма про Улепура, героя порнографической саги, с которой я познакомился в Лаврионе.

По дороге жалею, что не приехал сюда несколько раньше: еще полмесяца назад окрестность, наверняка, была на диво живописной, а сейчас на месте той роскоши – одна зябкая голытьба под тусклым небом.

– Как здоровье дяди?

– Он... ничего. Уже не тот, что до инсульта, но по-прежнему выезжает на охоту.

– А меня всегда удивляло: почему мы платим аренду твоей сестре, а не тебе?

– Вера говорит, что у меня на уме «только юбки да лошади». И это, конечно, обобщение, но... словом, есть на то причина. Здесь, наверно, очень красиво было в начале осени?

– Необычайно! Ты чуть-чуть не застал. Настоящего холода не было до прошлой недели, и все это время местная флора оставалась одетая. Мы даже виноград еще не собирали – дожидаемся, пока его как следует проймают морозом. Это чтобы сок отделился от воды – для пущей сладости и крепости вина. Когда назад поедешь, обязательно прихвати с собой пару бутылок. Может быть, не бог весть какой

изысканный букет, зато крепостью, говорят, вина замка Вальмонсо не уступают его стенам. Ну да сегодня сам убедишься.

А вот, наконец, и собственно цитадель. Этим камням уже пять с половиной веков. В свое время здесь коротала девичество последняя королева, пока не укатила поближе к столице. Эх, да если бы Вальмонсо находился поближе к столице, я бы сам скоротал здесь все свои сколько мне там отпущено лет! На рассвете бегал бы мочиться с крепостной стены, поднимался бы на башню блюсти горизонты – не идет ли с севера непогода? – засыпал бы хмельной в винограднике, а на споры с соседями выходил бы, опоясавшись мечом. Ничего себе жизнь, по-моему.

Над порталом помещен знаменитый герб Вальмонсо, о котором мне рассказывал дядя, – и здесь от мыслей о всяких скотских приятностях надлежит перейти к благочестивым размышлениям: на гербе изображен стул, но не просто какой-нибудь стул – это было бы весьма странно, учитывая винодельческую ориентацию поместья – а стул, изготовленный самим Спасителем еще в Галилее, когда Он помогал в мастерской Иосифу. По преданию, эта реликвия некогда находилась в Вальмонсо, откуда уже известная нам королева не увезла ее с собою в направлении монаршего престола. Местный пастырь, говорят, очень негодовал на моего пращура, который первым занес изображение стула на бутылочную этикетку: мол, увя тебе, торгуешь святостью, – и дошло даже до жалоб председателю суда, на что нанятые дедом казуисты возразили: а разве самое первое чудо, сотворенное Господом нашим, не состояло в том, что вода была обращена в вино, – и поскольку да, состояло, то не есть ли виноделие – род священнодействия, могущий лишь преумножить Божью славу, а поскольку и это, видимо, бесспорно, ergo, стул, изготовленный Христом, может и впредь осенять виноградники Вальмонсо, оскорбления веры в том нет.

В отсутствие этого священного предмета мебели мой предок заказал его точную копию, и она по сей день сохраняется в особой комнате в глубине замка.

– А, мистер Леннокс! Пожалуйста ваши чемоданы, Гальфрид доставит их в ваши покои. Гальфрид – и распорядись, чтобы приготовили мистеру Ленноксу ванну. Здравствуйтесь, здравствуйтесь, голубчик! – патриарх винного дома Вальмонсо, мистер Эдвин Тиглер, приглашает меня в свои объятия. Я покорно делаю шаг навстречу и оказываюсь заключен в подобие удушающей хватки Оргривского дракона (испытано, между прочим, на себе). – Как возмужали! Ну, давайте будем представляться! С Антоном, стало быть, вы уже знакомы. А это мои красавицы: Эмма, Лора, Жанна, Мэри-Кэт и Кора.

Подготовленный Антоном ко встрече с этими особами, я улыбаюсь несколько принужденно. Симпатичные девушки, не такие уж и похожие между собой, но приведенные к нарочитому сходству благодаря одинаково подстриженным челкам, платьям, шитым явно из одного сукна, – точь-в-точь маленькая армия со своей формой и уставом. Даже в именах усматривается какая-то навязчивая регулярность: Эмма и Жанна, Лора и Кора; Мэри-Кэт в этом двусложном строю кажется слабым звеном – она и ростом будет повыше сестер. А может, наоборот, она-то как раз и есть ключевая фигура в их плане по занятию моей постели; о да, я постиг ваш замысел, коварное войско! Эмма и Жанна – группа «Юг», Лора и Кора – группа «Север», а Мэри-Кэт – это группа «Центр». Ох, как бы мне пригодился пояс верности! Впрочем, кому мне теперь хранить верность?..

– Их мать с братом сейчас в городе, они присоединятся к нам за ужином. Чувствуйте себя как дома, мистер Леннокс! То есть... конечно... вы и есть у себя дома, – поправился Тиглер к нашей обоюдной неловкости.

Вечером мистер Тиглер произносит тост:

– Кажется, в последний раз Тиглеры и Ленноксы собирались за одним столом в прошлом веке. Давайте выпьем за воссоединение наших семей!

Я быстро отираю рот салфеткой, потому что начал жевать отчасти преждевременно, и немногочисленные Ленноксы, представленные за этим столом одним только мной, поднимают бокал в честь семейного торжества.

Вино, и правда, отменной крепости! Щеки у меня быстро начинают гореть, влажные взгляды девочек Тиглер воробушками витают возле меня, и вот я уже клюю носом.

– Все было очень вкусно, мадам... Я теперь пойду... завтра рано вставать... Барышни... Мистер Тиглер... Антон, – поклонившись всем, я в сопровождении безмолвного Гальфрида поднимаюсь в свою комнату, где засыпаю отнюдь не сразу. Лежу на холодных свежевывстиранных простынях и все жду, как из темноты ко мне приблизятся Лора, Кора и остальные – в ночных рубашках, с распущенными одинаково стриженными волосами – и зубы их блеснут в лунном свете. Так дочери графа Дракулы навещали ночью его злосчастного гостя в известном фильме. Надеюсь, что близость чудотворного стула оградит меня от их козней... Завтра обязательно на него взгляну... Как там моя Джудит, бедняжка, молится ли обо мне?..

Проснулся. Что это было, черт побери?! Вместо моих привычных мертвых красавиц приснилась пещера, полная мертвых мужиков. А может, это был какой-то гараж. Ну да, куча покойников – и в том числе, вполне заурядной внешности – хотя, может, они и не все были мертвы, потому что точно помню, кто-то из них курил. И играл на скрипке... А потом начался пожар, и всему положил конец. Что же, значит, мое ночное извращение прогрессирует, я погрязая в этой трясине глубже и глубже. Нет, не может быть! Прежде в моих снах была хоть какая-то поступательная логика: я все ближе подбирался к невидимому чужаку, а сегодняшний сон – полнейшая несуразица. Это, должно быть, от ночевки на новом месте... К тому же обильная пища накануне... Ничего странного, что тонкая психическая материя пришла в возмущение от стольких внешних раздражителей.

Зволнованный и неспособный к дальнейшему сну, я зажигаю лампу и, зажмурившись, нашариваю на столике часы. Четыре утра! Кажется, именно в этот глухой час я появился на свет. Голова падает обратно на подушку, ясная и пустая. Поеду сейчас в город впечатлять местный отдел РКС – пусть думают, что я вообще не сплю.

Вылезаю из-под нагретого одеяла во внешнюю среду и нанизываю остывшее за ночь платье на свой дрожащий остов. Ну и холод! Где-то там за стеной – сок виноградных ягод отделяется от воды: будет и слаще, и крепче. Может, и мне заморозки пойдут на пользу?

Заправляю кровать. Думал, что тихонько спущусь на кухню и, не зажигая лампы, слюдаю что-нибудь при свете из открытого холодильника: не надо будет никого беспокоить, – но когда я выхожу в коридор, передо мной возникает Гальфрид, дворецкий Тиглеров, и по виду его не скажешь, что он только сейчас восстал ото сна: воротник подпирает выбритые щеки, сюртук его безукоризненно отглажен, – такие образцовые слуги нередко бывают достойнее иных господ.

– Я... доброе утро, Гальфрид.

– Надеюсь, вам хорошо спалось, мистер Леннокс, – скорее заявляет, чем спрашивает, он, очевидно равнодушный к тому, как мне спалось на самом деле. – Если пожелаете, вам подогреют вина и подадут копченого лосося и хлеба с сыром, но вообще-то, у нас не принято завтракать прежде утра.

На это я пожимаю плечами: обычай, может, и похвальный – ибо вменяет нам усмирять демона чревоугодия, – но с другой стороны, как не покормить рыцаря накануне подвига? А вдруг заурчит не ко времени в животе – тогда пиши пропало! Вот ты затаился, выжидая врага, – боишьсядохнуть, не то что пошевелиться, – и тут твое голодное нутро подает голос: и ворчит, и скулит, и постанывает! А

что? – бывали такие случаи. Но и набивать брюхо особенно не стоит, иначе будет как с Теофрастом Бенгардским – все, конечно, помнят его историю.

Едва ли почтенному дворецкому пришли на ум эти же подробности, но мою точку зрения на проблему завтрака он, кажется, понял и принял.

– Я могу предложить вам бутерброды. А остальное уложу в чемоданчик для завтрака, чтобы вы подкрепились на работе. Так будет удобно?

– Да, спасибо. И еще, Гальфрид... мне нужно как-то добраться до офиса. В городе я найму машину, но сначала я должен туда попасть... Не найдется ли здесь лошадь, которую я мог бы одолжить на утро?

– Разумеется, сэ. Вы планируете путешествовать в цивильном платье или в доспехах?

– В цивильном, конечно; доспехи пока не понадобятся, да и в любом случае: современные доспехи очень легкие – если вы беспокоитесь о весе.

– Прекрасно. Тогда я велю оседлать Трубочиста.

Я между тем умываюсь. Завтракаю не слишком вдумчиво, – мысли уже совершенно не здесь, – после чего выхожу в пустой двор. По дороге к конюшне спотыкаюсь о кота, который выскочил из тумана, мокрый, как бобер, и тут же снова исчез. Где-то охотился всю ночь или волочился за кошками, а сейчас пришел восстановить силы перед новым заходом.

Вот и конюшня. Трубочист, симпатичный пагластый ибериец вороной масти, жует что-то вкусное, пока мальчик-конюший затягивает подруги.

– Доброе утро, сэ! Если когда будете сами его седлать, обязательно давайте угощение, потому что он большой любитель надувать живот. Немного ушлый зверь, но очень умный.

Угощение! Замечу, что отец в таких случаях просто пинал лошадей по брюху. Похоже, мир все-таки движется по пути смягчения нравов. Эта мысль сразу воодушевила меня. Освободив коня от привязок, юноша дает поводья мне. Я неспешно веду Трубочиста на выход, попутно всячески с ним любезничаю. Снаружи нас ожидает Гальфрид.

– Раз в городе он будет вам не нужен, просто скажите ему «Домой!» и отпустите, он знает дорогу. Только прежде расседлайте. Удачи в вашем расследовании.

– Спасибо, Гальфрид, – киваю уже из седла. Эх, жаль нет девушек на меня посмотреть!.. Разве что Мэри-Кэт или Эмма какая-нибудь не спит, а глазееет из окошка в утренний туман. И правильно

делает, если не спит – когда еще увидит рыцаря на коне? В наше-то время?

Притискиваю ноги к бокам лошади, «трогаю поводья», как говорится в книжках. Шагом до выезда из поместья, а оттуда поднимаю Трубочиста в галоп и вскоре совершенно скрываюсь из вида. Вот и все, Эмма и Мэри-Кэт, теперь можете и вздремнуть часа три, пока строгая матушка не подымет вас для разных домашних забот.

Надо же! Так рано я, наверно, встал впервые в жизни. Боюсь, что моя противоестественная бодрость улетучится часам к пяти, так что надо поспеть с делами до этого срока, а вечером я смогу просто поболтаться по городу. Или может, наоборот – лягу пораньше спать: мне не терпится убедиться, что мои сны ведут меня по прежнему следу, а не свернули на каких-то посторонних мертвецов. Так что пока опять не усну, буду все время нервничать.

Постепенно такие дальние планы становятся мне безразличны, а актуальным остается только одно: поскорее добраться до офиса и там отогреться от мокрого ветра, который пронизал меня всего. Холод, рассвет, наступающий слева, и монотонная скачка – вот до этих трех элементов сузился мой мир.

Совсем заиндевевший, я, наконец, миную городские ворота и, воспрянув, начинаю сверяться с названиями улиц. Мне нужна улица генерала Невиса, это административный квартал. Уточнить дорогу не у кого – тротуары пусты, в витринах экономно тлеет ночное освещение, до сих пор нас не обогнала ни одна машина. Плутаем еще какое-то время, я все более смиряюсь с мыслью, что придется доставать карту и, встав под уличным фонарем, разбирать хитросплетения местной географии. А ведь я думал, что прилежно изучил ее по справочнику!

Пока я роюсь в сумке, Трубочист останавливается на некотором удалении от подходящего фонаря. Я поднимаю глаза, и оказывается, что мы как раз стоим на улице генерала Невиса, в самом ее начале! Хлопаю коня по холодной шее:

– Как же ты ее нашел, дружок?

Трубочист на это ничего не отвечает – лишь, слегка повернув ко мне голову, моргает глазом.

Вскоре я прыгиваю на мостовую рядом с каменной плитой, на которой высечено: *Circa mensam hanc dignissimos colligam* – «За этим столом собираю достойнейших». Эта цитата из достопамятного указа короля Артура действует как девиз Рыцарей Круглого Стола.

Оставляю Трубочиста у коновязи, сам поднимаюсь по ступеням к дверям офиса.

Войдя, я оказываюсь у заклеенного многочисленными брошюрами стекла, за которым обитает мужское лицо – весьма

неприветливое, можно добавить. Или же мне это просто показалось из-за того, как падает свет настольной лампы.

– Доброе утро. Джуд Леннокс, отдел расследований супернатуральной активности.

– Доброе утро, мистер Леннокс. Вы, конечно, не знаете, кто изобрел сухое молоко?

– Э... – вопрос застал меня врасплох. – Это какая-то условная фраза? Боюсь, меня не предупредили, что будет пароль... Но вот мое удостоверение, можете убедиться...

Застекольный житель качает головой, и я успеваю занервничать: что за подстава? Меня никто не предупредил насчет пароля. Зачем пароль, если есть удостоверение?

– Пять букв по вертикали. Вторая «е». Изобретатель сухого молока. Знаете или нет?

– Э... Знал, вроде бы... Пять букв?.. «Верна»! Подходит?

Мужчина поднимает указательный палец левой руки, имея в виду, что мне придется подождать, пока он заносит имя в соответствующий столбик кроссворда.

– «Верна», говорите?.. Но тогда по горизонтали... Вещество в слюне дракона...

– Серотонин. В том, что касается драконов – их слюны, помета, чего угодно – можете на меня положиться. Спрашивайте – и необязательно про какие-то их выделения.

Снова указательный палец, пока он стирает ластиком свою неправильную версию и вписывает «серотонин» куда полагается.

– Ну что ж, все как будто бы в порядке... Проходите, мистер Леннокс.

Отложив кроссворд, он касается пульта, и я наконец-то миную турникет. Когда я оказываюсь на той стороне, он выходит из-за своего стекла и протягивает мне руку.

– Юпитер Кент к вашим услугам, – на вид ему лет шестьдесят; я бы сказал, что он похож на бывшего морехода, который, не желая отречься от жидкой стихии, преследует ее во всех наличных формах: начиная дешевым портвейном и заканчивая сивухой, из которой алхимики получают универсальный растворитель *алкагест*. В его внешности еще видны прежние веселость и суровость, но уже не вятно: лицо его припухло, отекло и вообще состарилось, да и платье на нем – самое затрапезное. Да еще кроссворды эти.

– Рад нашей встрече, сударь. Я прибыл верхом, мой конь отзывается на кличку «Трубочист», его нужно расседлать, накормить и отпустить восвояси, дав ему команду «домой». Кроме того, мне нужно знать, где здесь у вас прокат машин и как добраться до морга. Наконец, вы как можно скорее должны известить мистера... – я пытаюсь припомнить имя.

– Ноткера, – подсказывает он мне.

– ...Ноткера о моем прибытии. А прямо сейчас здесь есть кто-нибудь из супернатурального отдела?

– Рыцари Альпин и Лантура. Найдете их на втором этаже. Как поднимитесь – сразу налево. Вы успеете с ними поговорить, пока я занимаюсь вашим Трубадуром.

– Трубочистом, – киваю я.

Раскланиваемся, я взбегаю по лестнице, подстрекаемый запахом свежего кофе, который по мере моего восхождения становится все более явным. На мою удачу, обоняние приводит меня туда же, куда меня направил Юпитер Кент: к двери с надписью «ОРСА. Л.А. Ноткер». Тук-тук!

– Доброе утро, господа. Я Джуд Леннокс, вас должны были предупредить...

– Да, да! Вас прислали из центра. Я Лантура, – протягивает мне руку тот из них, что сидит на столе и, стало быть, ближе ко мне. Уверенное и небрежное рукопожатие, прямая осанка, хоть и сидит на столе, глаза голубые, волосы светлые, загорелый – словом, пляжная сенсация. Наверняка, замечательно провел лето: спал с девчонками, ездил куда-нибудь на велосипеде в белых шортах,пил отцовские коньяки – а теперь без раскаяний возвращается к работе, и ведь будет работать так же безоглядно, как до этого кутил и повесничал. Такие, как он, симпатяги, директорские сынки, обычно не идут в рыцари, а уж если идут, то чего-нибудь да стóят.

– Альпин, – этот вместо руки дает мне кофе. Заросший, хмурый – может, просто не выспался, – пользуется, должно быть, неровным успехом у женщин. Я на это всегда смотрю. Вообще, насколько рыцарю нужна прекрасная дама – вопрос многосторонний. В принципе, проще, если ты одиночка – нечего терять, значит, и слабых мест вроде бы нет; дом твой пуст, в холодильнике одни полуфабрикаты, и ты отдаешься работе весь и можешь позволить себе такое, чего бы не сделал осторожный семьянин: например, пойти, да и сгинуть, утащив с собой очередного дьявола. С другой стороны, если человек никого не любит, то как он может жертвовать собой ради другого? Кануть в бездну, сладострастно вцепившись в горло врага, – одно дело. А отдать жизнь во спасение кого-то еще? В конце концов, если сам толком не жил, то и жизнь вообще для такого человека – ценность весьма относительная. Сосредоточение его упований – это день грядущий; разве он захочет отказаться от него? И напротив, человек, который знал ласки многих женщин, но теперь любит одну, родившую ему детей, который с любовью выстроил очаг и окружил его друзьями – такой человек уязвим, ибо дорожит тем, что имеет, и все же если потребуется, он встанет ночью из постели, и, не потревожив спящую подругу, пойдет туда, откуда не

возвращаются. Потому что счастье освободило его помыслы от эгоизма. Хотя, может быть, именно в эгоизме станет обвинять его рыдающая жена, если рыцарь действительно сгинет, ведь ей будет казаться, что он пренебрег семьей. Так что не знаю. Бывало, соратник не шел за мной, ссылаясь на жену и детей, к которым он обязательно должен вернуться. Но все-таки мне кажется, что на подлинное великодушные способны именно те, кому есть что терять, добрые и счастливые люди. А не угрюмые одиночки из голых и необузданных квартир.

– Отлично, что вы приехали, Леннокс, – говорит Лантура, – похоже, у нас начинается то же самое, что и в Медиалане. Вот, последняя жертва. Как раз заканчиваем отчет. Хотите взглянуть на результаты вскрытия? Вообще-то, мы отослали копию в центр, но вы, наверное, были уже в дороге.

– Именно так. Значит, личность до сих пор не установлена? – я заглядываю в папку.

– Тело нашли в номере отеля «Монсальват». Бедняга выпила экстракт *Digitalis Purpurea*, а чтобы не вырвало, закинулась домперидоном. Смерть наступила от остановки сердца. Она умирала около часа.

– В отеле? А как она представилась, когда снимала номер?

– Номер снял некто Девлин Фелтон, а наша красотка была у него всего лишь ночной гостьей. Он встретил ее на улице, привел в отель, они заказали к себе выпивку, потом, ясное дело, совокупились, потом он уснул, а она заперлась в ванной, где и покончила с собой. И нет, она не была проституткой; по крайней мере, девушки с той улицы ее не знали.

Я гляжу на фотографию мертвого лица, в которое уже не вернется румянец, ибо кровь этой женщины больше не взвьется по жилам вверх, теперь соки ее тела тянут вниз, послушные только земному притяжению – как грустно... Мне бы увидеть ее живой, посмотреть, что за глаза у нее были.

– А этот Фелтон...

– Да какой-то художник, приехал на открытие своей выставки, поэтическая натура – не похоже, чтобы он имел прямое касательство к ее смерти. На ее теле – никаких признаков насилия; правда, под ногтями обнаружили частицы его кожи, но они туда попали, как бы это сказать, в пылкую минуту. Фелтону, кстати, она назвалась Дианой. Вернее, так ему подсказал творческий инстинкт, когда она предложила угадать ее имя.

– Он это называл «актом созидания» и «дарования сущности», – вставляет Альпин, не отрываясь от своих бумаг.

– Точно! – Лантура жизнерадостно улыбнулся. – После таких его слов, мы решили, что он маньяк, поэтому вместо своей выставки он у

нас отправился в «студилку». Сутки его там продержали, потом отпустили. Но из города, конечно, он теперь так быстро не уедет.

Я усаживаюсь в кресло напротив стола и с удовольствием затягиваюсь своим кофе. Горячий, крепкий, горький. Все это очень кстати, учитывая, что в морге я едва ли как следует отогреюсь.

– А что это за растение – *Digitalis Пыр-пыр*?..

– *Purpurea*. Наперстянка Пурпурная. Называется так, потому что напоминает гроздь фиолетовых колокольчиков или наперстков, – Альпин выуживает из разложенных перед ним бумаг какой-то клочок и зачитывает с него. – Многолетнее травянистое растение семейства *Plantaginaceae*. Листья используются в медицине. Наш специалист сказал, что найти ее нетрудно – или, по крайней мере, летом было нетрудно. Надо просто знать, что ищешь; приготовление экстракта, правда, требует более изощренных познаний...

– Вот именно. Наша барышня или сама была знатная травница, или ее кто-то надомил. Так или иначе, не помешает проверить факультеты ботаники и фармацевтические лаборатории. Если экстракт можно приготовить только летом, значит, кто-то намеренно делает запасы для осенних и зимних самоубийц. Этого человека в любом случае нужно остановить. Может быть даже, кто-то знал, что здесь продолжится то, что началось летом в Медиалане. Впрочем, воздержимся пока от теорий...

– Лаборатории мы уже начали проверять, – кивает Лантура. – Какие еще соображения?

Я пожимаю плечами.

– Странный выбор места, учитывая способ самоубийства. Она умерла около часа – в отеле ее могли спасти в любой момент. Этот Фелтон мог проснуться, тут же бы вызвали скорую. Напрашиваются два варианта: или подсознательно она хотела оставить себе шанс на спасение, или отель «Монсальват» имел для нее какое-то значение. То есть, несмотря на то, что ее легко могли остановить, она все равно хотела умереть именно там. Первую версию, вероятно, проверить не удастся. А вторую – можно попробовать. Я обязательно заеду туда сегодня.

– Как угодно, – говорит Альпин, – но мы уже опросили и персонал, и постояльцев. Фотографии все перед вами. Только потеряете время, если поедете. Тем более, что в «Монсальвате» они будут отмалчиваться. По понятным причинам, им бы не хотелось, чтобы мы там крутились.

– И все же, – добравшись до кофейной гущи, оставляю чашку на краешке стола. – Я не сомневаюсь, что вы наилучшим образом собрали все улики, но при расследовании супернатуральной активности всегда остаются еще улики – которые не собрать в пластиковые мешочки и не отнести на анализ. Если хотите знать,

слово «анализ» по-латински значит «анальный»... – тут я осознал, что не помню, что именно пытался доказать Мерлин, посвящая меня в такие этимологические дебри. – «Анальный», то есть «относящийся к заднице»... Понимаете? В общем, волшебство не терпит, когда люди просто сидят на заднице. Если хочешь проникнуть в суть волшебства, нужно пойти и отдаться волшебной заразе, надыхаться чумой, стать драконом.

По лицам их вижу, что не преуспел в своем изложении лекции Мерлина о природе волшебства. Впрочем, ведь и я в свое время был растерян, и маэстро даже нашел это положительным, так что недоумение моих коллег, может статься, себя еще оправдывает. Но все-таки надо их чем-то отвлечь, а то они уже начали переглядываться, а это всегда недобрый знак.

– Я успел познакомиться с Кентом, вашим привратником, – своеобразный, кажется, человек?

Альпин в ответ на это хмыкает почти с какой-то свирепостью.

– Сильно привержен бутылке. Его оставили в РКС только ввиду прежних заслуг, но будь моя воля – я бы изгнал Юпитера даже из его застеколья. По пятницам плотность спиртовых паров в его будке достигает такой концентрации, что можно поджечь воздух.

– А что за прежние заслуги?

Альпин, не расположенный говорить о ком-то хорошо, снова уткнулся в свой отчет, предоставляя Лантуре полномочия рассказчика.

– Ну, это на самом деле прегрустная история! – Лантура берет в руки прислоненную к столу лютню и, немножко подстроив ее, начинает петь.

Таких героев испокон
Не видела земля:
Сэр Кент был доблестнее всех
Вассалов короля.

Лаура дивной красотой
Меж девушек цвела;
Июльским полднем Кенту честь
И сердце отдала.

Лауру Кент в собор ведет
Принять святой обряд,
Но небо застит черный дым:
То гавани горят!

То грозный северный сосед
Явился – быть войне!

Лаура – в слезы, Кент – в седло,
Печался вдвойне.

Он мчит к горящим рубежам,
И видит, что навстречь
Сэр Лёнард скачет на коне
Его предостеречь.

«Спасайся, Кент, надежды нет,
Мои войска бегут,
Враги коварны и сильны
И скоро будут тут».

«Ты трус! – воскликнул в гневе Кент, –
Но я не побегу!
Земли, что домом я зову,
Не уступлю врагу!»

Отважный рыцарь дальше мчит,
Теперь уж цель близка.
Он слово гордое несет
Растерянным войскам.

«Друзья! Мне жалко жизнь отдать
В угоду королю.
Но чтоб Лауру защитить,
Охотно кровь пролью.

Пусть те, кто любят жен своих,
Как я люблю свою,
Со мною смело в бой пойдут
И победят в бою!»

И было так, что в этот день,
Сэр Кент разбил врага;
Увенчан славой, он спешит
К Лауриным ногам.

Но к ней войдя, он видит труп,
Висящий во петле.
Не веря горю, медлит Кент
Предать ее земле.

«Зачем, любовь моя, зачем,
Себя сгубила ты,
Не пощадив своей души
И дивной красоты?»

И слышит голос он с небес,
«Не сетуй на меня;
Мой грех прощен. Я спасена
От вечного огня.

Меня сэра Ленард обманул,
Сказав, что ты убит.
За смерть напрасную мою
На нем вина лежит».

Лауру Кент во гроб кладет
И после похорон
Спешит явиться королю,
Чтоб суд назначил он.

«Повинный в смерти пусть умрет;
Дозволь же, государь,
Сойтись мне с Ленардом в бою,
Нам Бог судьей, как встарь».

Но отвечал властитель так:
«Ты смел увещевать,
Что кровь по воле короля
Не должно проливать.

Да будет так, достойный Кент,
Я внял твоим словам.
Смертоубийство учинить
Я не дозволю вам».

«Но есть закон, – воскликнул Кент. –
Всего превыше он!»
И отвечал властитель так:
«Король – и есть закон!»

Тогда, не внемля королю,
Кент выхватил клинок.
К нему бегут, но он щитом
Сбивает стражу с ног.

Он насмерть Ленарда разит –
Свершился высший суд;
Кент прячет меч; кровавый труп
Из зала прочь несут.

Король сказал: «Не потерплю
Я ослушанья впредь;

За смерть вассала моего
Ты мог бы умереть,

Но ты победу нам принес,
Поэтому – ступай.
Однако тотчас должен ты
Родной покинуть край».

И было так, что Кент ушел,
Молчание храня.
Он навсегда покинул дом,
Лишь взяв с собой коня.

Живет ли ныне гордый Кент –
Не ведает молва.
Но слава горькая его
Меж нас вовек жива.

– Ну уж и вовек, – усомнился Альпин сразу по окончании песни.
– Хотя опять же неясно: меж кого это «нас»? Если это про его друзей-алкоголиков, то может, и «вовек».

Лантура с сожалением посмотрел на напарника; он пел хорошо и с чувством, и видно, впечатление от спетого еще не оставило его, а тут Альпин уже успел внести свои циничные замечания. Меня же история Кента и вовсе тронула. Хорошо бы помочь этому человеку.

– Понятно, что король не простил ему тех слов, сказанных простым солдатам, что жизнями сто́ит жертвовать не ради трона, а ради любимых женщин. Его грех состоял в том, что он не утратил благородства, став политиком. Если бы он не назвал Ленарда трусом, коим тот, безусловно, и являлся, никакой бы драмы не случилось. Кент оказался в таком положении, когда все его поступки стали давать противоположный эффект.

Я только покивал в ответ. До чего прямо это относится и ко мне! Опаздывал ли я к началу последнего подвига в Ордене или отпраивался на допрос к Мерлину – все давало противоположные плоды: меня называли героем, меня называли убийцей. В чем же состоит *мой* грех? Только и остается, что кивать в ответ.

– И, конечно, – продолжает Лантура, – его сейчас особенно тяжело отлучить от бутылки. Все эти красавицы только напоминают ему о Лауре. В общем, он заслуживает сочувствия, если ничего кроме.

В этот момент в кабинет входит новое лицо, и вот я уже не самый старший среди нас.

– Ноткер, – называется вошедший, одновременно подавая мне руку.

Он в отличной форме, этот Ноткер, уже порядочно седой, но шевелюра нигде не зияет; граненый подбородок, дорогой костюм. Как, интересно, его занесло в супернатуральный отдел, такого светского и, можно сказать, *реального*?

– Леннокс, пожалуйста, распоряжайтесь нами, как сочтете нужным. Я лично обязан вам. Столько лет в моем роду ждали возмездия – и вот, наконец, проклятый Мерлин мертв. Он вырезал семью моего деда... Конечно, это было уже Бог весть когда, но такие вещи... Неважно, сколько времени прошло... Для меня честь пожимать руку, убившую колдуна.

– А я его левой, вообще-то, – в виде шутки сказал я, сильно растерявшись. Наступило неудобное молчание, из которого меня выручил Альпин:

– Сэр, доклад готов. Мы можем идти?

– Да, вы свободны. Спасибо за работу.

Альпин и Лантура, кивнув мне, выходят из кабинета.

– Мистер Ноткер, – я снова усаживаюсь в кресло напротив его стола. Отказываюсь от предложенной сигары – как, однако, у них тут все по-домашнему!

– Мистер Ноткер, сейчас я бы хотел проехать в морг, а потом в отель «Монсальват»...

– Я отвезу вас, – говорит Ноткер, закуривая.

– Нет, нет, я должен поехать один. Понимаете...

– «Некомандный игрок», – кивает он. – Вам не нужно оправдываться. Если вы так привыкли работать, нам придется подстроиться...

– Тут другое. Маэстро Мерлин считал... – я запинаясь, встретив нехороший взгляд из-под взмывших бровей Ноткера. – Перед тем, как я убил его – колдун рассказал мне, что за волшебством следует охотиться в одиночку, в тишине. Мы вместе только затопчем оставшиеся следы. Я должен поехать один, а вечером доложусь, если что-то узнаю. Тем временем, верните этого художника, Фелтона, дайте ему кисти и холст и не выпускайте его, пока не нарисует портрет последней девушки. Не важно, в какой манере он работает. Пускай над глазами особенно постарается. Но и вы со своей стороны обойдитесь без выкручивания рук. Все же он художник, имейте понятие.

Ноткер встает, я встаю, он еще раз пожимает мне руку.

– Машина ждет внизу, незачем вам терять время. Вот ключи. Сбрую вашей коняги найдете на заднем сиденье. Славный конь! Значит, до вечера? Может быть, вы могли бы провести какой-нибудь семинар для моих парней? Объяснили бы пару моментов насчет волшебства. Про поиски в тишине. Признаться, до сих пор нам удавалось только вести счет девичьим трупам. А тут криминальный

отдел повесил на нас еще одно расследование, с ним тоже черт знает что. Так как? Насчет семинара?

– Обсудим вечером, – уклонился я, не чувствуя веры в свой педагогический талант. – А что за другое расследование?

– Нет, нет, Леннокс, не будем же мы сваливать на вас все свои проблемы. Там, во всяком случае, речь не о возможном конце света. Чернокожего музыканта, местную знаменитость, зарубили мечом в его кабинете. Ему наполовину отсекли, а наполовину оторвали голову. Мы ее так и не нашли. Скорее всего, волшебство там вообще ни при чем; очередное преступление из расовой ненависти – просто криминальный отдел сливает нам все нераскрытые дела.

Не зная, как с этим помочь, я спешу откланяться. Вообще-то, исчезновение головы – нехороший знак: в логике устрашения ее должны были оставить где-нибудь у всех на виду. А пропажа частей тела – скорее наводит на мысль о маньяке. Впрочем, действительно: пускай этим занимаются другие. Спускаюсь по лестнице, довольный новыми сотрудниками; прохожу мимо Юпитера Кента, с которым просто попрощался, потому что не умею пока выразить свои приязнь и сочувствие. Но и относиться к нему по-прежнему теперь невозможно. Доблестнее всех вассалов короля... – кто бы мог подумать!..

На улице посветлело, но теплее не стало – запоздало поднимаю воротник против ноябрьской стужи. Вот и положенный мне транспорт. Усаживаюсь за руль и какое-то время, ничего не делая, просто млею в тепле работающего двигателя. Ноги оттаивают дольше всего. Сидеть мягко – не то что в седле, от которого со времен Академии я изрядно поотвык. И опять же значительно удобнее, чем путешествовать в багажнике... Как там, любопытно, Хага Целлос?.. Славная девчонка, хоть и дурная. Никто меня так не целовал, как она – чтоб я потом полмесяца в сознание не приходил. Или сколько я там был в отключке? Хотя, помню, после выпускного у меня тоже был провал в памяти. Родители Адели уехали за город, и мы всей толпой... а очнулся я вообще рядом с незнакомой девочкой. Никогда отцовский ремень с таким прилежанием не линовал мой зад, как в то утро, но отменить свершившегося не могла уже никакая порка: мальчик вкусил от плода, и прежний целомудренный мир не подлежал восстановлению. Я не чувствовал боли, потрясенный откровениями ночи. Взмахи ремня отдавались в моем блаженном дурмане легкими колебаниями... Тепло, наконец-то, проникло и в ноги... Я подпрыгиваю на месте, испугавшись, что задремал. Да я и задремал! Надо же мне было так неслыханно рано проснуться! Так и знал, что начну клевать носом, еще ничего не сделав. Даром что кофе напился. Надо ехать.

Следуя пометкам, которыми Юпитер Кент дополнил мою карту, я довольно быстро добираюсь до морга, занимающего одно здание с коронерской службой. Архитектура неожиданно нарядная – какие-то гипсовые гроздья, щекастые херувимьи личики с вьющимися кудрями – образы, в целом, жизнерадостные, хотя и осуществленные в тяжеловесном вкусе того времени; меньше всего ты ждешь, что за этим фасадом могут храниться во льду препарированные трупы тех, кто умер нехорошей, неправильной смертью. Выхожу из машины, отрицательная температура мгновенно приободряет меня. Подхожу к двери, стучу внушительным *уполномоченным* стуком.

– Да что же это! Наглые мартышки! Эдак вы скоро и меня на лоскуты порежете! – доносится до меня еще прежде, чем обладатель голоса достиг двери. – Что опять?! – я едва успеваю отпрянуть от распахнувшейся створы.

– Ой! – свирепость уходит с представшего мне лица, уступая недоумению. – Я думал, это опять студенты-медики пришли кланчить труп.

При этих словах мое новенькое удостоверение, которое я изготовился раскрыть хотя и впервые в жизни, но по возможности, эффектно и небрежно, выскакивает из моей руки! Пожалуй, некоторые известия просто невозможно встретить хладнокровно.

– Рыцарь Круглого Стола Леннокс, супернатуральный отдел, – сконфуженный, подбираю злополучный документ и держу его двумя руками, впрочем, он даже и не смотрит. Неужели не интересно? А ведь там и фотография моя, и печать с латынью в центре, и буквы РКС готическим шрифтом. Я когда с ним вышел из отдела кадров, то любовался часа два, пока есть не захотел.

Он устранился с прохода, давая мне войти. Рыжеволосый мужчина – лет, примерно, сорока, – в очках и в белом халате поверх костюма-тройки. Лицо довольно лукавое, что и понятно при его двусмысленных сношениях с мартышками-медиками.

– Что такое, вы сказали, им было нужно? Вашим студентам?

– Инквизиция не разрешает им проводить больше двух вскрытий в год. Поэтому коронер тайком поставляет им невостребованные тела. Пускай лучше учатся на покойниках, чем потом на нас с вами, верно я говорю? Ну да в последнее время они что-то разохотились. Хотел их осадить немного. Я доктор Вазлакис.

– Рад знакомству, – говорю я, хотя ничуть не рад. – Доктор, вам, наверно, известно, что в этом городе умирают красавицы. Я бы хотел осмотреть тело последней девушки, вот этой, – показываю фотографию, которую получил от Альпина.

– А, безымянная! – узнавая, воскликнул доктор. – Но послушайте: вы ее здесь не найдете. У нас маленький морг; проведя вскрытие, мы их тут же хороним. То есть, большинство тел забирают

родственники, а иной раз медицинский факультет; а этих, неприкаянных, достается хоронить нам. На Верещатнике. Это на север отсюда, за мостом. А впрочем, зачем бы вам и смотреть на нее? Я сам был на вскрытии и подписывал отчет. Там найдете все, что может пригодиться.

Видно, разочарование на моем лице отчасти его обидело.

– Пожалуйста, не думайте, что мы не знаем свою работу. Все, что было можно, мы проанализировали.

Тут бы мне и сказать ему, на что годится его анализ, но что толку? – не откапывать же ее теперь обратно! Все-таки, мы прежде всего христиане, а уже потом сыщики и медики.

– Нет, разумеется, нет, доктор Вазлакис... Вы все сделали как нужно. А ее вещи? – вы ведь сохранили их для опознания? Позвольте мне взглянуть?

Он провожает меня дальше по коридору, вежливый и беспрекословный, и все же я чувствую, что непоправимо утратил расположение этого человека. Скорее всего, он жалеет сейчас, что посвятил меня в их сомнительный пакт с юными натуралистами. Спускаемся в подвал; он отпирает новую дверь, зажигает свет, и мы оказываемся в просторном, но тесно заставленном помещении, где в коробках сберегаются вещи, причастные к смерти. Запах не какой-нибудь неприятный, – любое хранение приводит к появлению запаха, – и все же дышать становится тяжело; моя бы знакомая, Камилла, сказала бы, что у этого места дурная энергетика. Я обычно закатываю глаза, когда она так говорит, но тут, может, и согласился бы. Камилла – она, типа, ведьма: тонкие энергии, арома-свечи, зодиаки – все такое.

– Вот, здесь ее вещи, – Вазлакис ставит передо мной коробку. – Мне вас оставить? Если захотите что-нибудь забрать, укажите это в форме. Я буду наверху.

Дождавшись, пока он выйдет, приподнимаю крышку и откладываю в сторону. Сразу же добавляется новый запах – ее духов. Приятный, терпкий аромат – больше похоже на мужской парфюм. Если закрыть глаза, то запах создаст в воображении взрослую и умную женщину, любовь которой может горчить и опустошать. Поэтому так странно видеть, что в коробке, на самом деле, какие-то подростковые вещи: цветастая кофточка, юбка, колготки, спортивная куртка.

Тут мое сердце бросается об ребра, и мне на секунду кажется, что это оно: ключ ко всему расследованию! – верная мысль, не упустить бы, а уже в другую секунду я понимаю, что нет, это никакое не откровение, ложная тревога. Мне просто пришло в голову, что красота всех этих женщин так поразительна, потому что откликается и трогательной детскостью, и зрелой роскошью, и на какое-то

мгновение я вообразил, что это их общее качество и есть причина их гибели. Логика здесь не было, это точно; так, всплески интуиции в потемках мысли. Зря всполошился.

Выложив скопом все вещи из коробки, я вижу, что на дне остался еще один экземпляр этой печальной коллекции. В пластиковом мешочке, спутанная в узел, тускло поблескивает цепочка, продетая через кулон. Кулон престранный: то ли дерево, то ли камень – на ощупь и не разберешь, разве что для дерева тяжеловат – каплевидной формы, а поверхность как у ореха или косточки, скажем, персиковой: вся исчерчена кривыми бороздками, а выпуклости между ними отшлифованы почти до глянца. Может, окаменевшее дерево? По крайней мере, от ощущения чего-то древнего не отделаешься. Только не будь эта древность вероятной уликой, я бы, пожалуй, не стал брать ее в руки – именно так, по моему, должны выглядеть окаменевшие экскременты каких-нибудь доисторических грызунов.

И цепочка под стать. Серебряная, наверно, но сильно потемневшая – из-за налета, который появляется на металле от времени и от соприкосновения с кожей, потом, просто грязью: крошечные звенья местами срослись, дырки внутри колечек забились. Мне было бы неприятно обнаружить такое на девушке. Интересно, что по этому поводу подумал Фелтон, когда раздел ее.

Секунду поколебавшись, опускаю этот сувенир себе в карман. Щелкнув ручкой, которую вытащил из-за пазухи, делаю запись в положенной графе. Уложив остальные вещи обратно, поднимаюсь на поверхность; свет оставляю гореть.

– Доктор, я взял кулон этой девушки. И свет не погасил.

– А вы расписались? Вот и славно. Могу я быть чем-то еще полезен?

– А вы не знаете, что это? Из чего сделана эта подвеска? Камень? Дерево? Похоже на доисторический помет.

– В самом деле. Нет, подвеской мы не занимались. Мало ли чего носит наша молодежь! У меня самого дочь носит такой, знаете, шнурок на запястье – его нельзя снимать, пока сам не оборвется. И в душ с ним, и картошку копать с ним. Впрочем, наша подруга носила свой в кармане.

– Не на шее?

– Не на шее. У вас у самого, я смотрю, очень оригинальный браслет, – он показывает на мой зуб мудрости, который выпростался из-под манжета: Хагин подарок.

Я наклоном головы показываю, что да, имею привычку, – кто теперь без странностей? Оставаться здесь дольше незачем. Вазлакис провожает меня к выходу, пряча в улыбках и нервозно-беспечной болтовне некое переживание. На пороге он все еще мнется, не

решаясь ни отпустить меня, ни раскрыть своей озабоченности. Спина моя начинает стынуть, подставленная открытой двери.

– Честь имею, доктор, – я разворачиваюсь, чтобы выйти, уже не надеясь, что он соберется с духом. Пересекаю порозовевший от рассвета двор, усаживаюсь в машину – и только тогда он настигает меня, стучится в стекло, улыбаясь по-прежнему столь же лучезарно, сколь и принужденно.

– Это так, ничего... Но я бы все-таки... Относительно нашей договоренности со студентами-медиками... Понимаете, если в Инквизиции узнают...

– Да кто же им расскажет? – говоря это, вижу, как в его улыбке сразу прибыло искренности и приязни. – Замечу, доктор, что и я ничего бы не узнал, если бы вы сами не проболтались.

– Ну вот так вы меня застали... Кто же знал...

– Словом, постарайтесь избежать утечки, по крайней мере, со своей стороны. На меня вам пенять не придется.

Конечно, я бы мог успокоить его еще больше, рассказав, что и сам не на лучшем счету у Инквизиции. Но такие вещи лучше держать при себе. Если узнал чью-то тайну, то не стоит из одного чувства такта раскрывать свою – это упрочило бы дружбу, сблизило бы вас, но приобретенного таким образом друга уже не пойдешь и не заложишь – при всем желании. Конечно, закладывать я никого не стану, но ни доктор, ни коронер не знают этого доподлинно, а стало быть, будут бояться, а стало быть, смогу на них нажать, если что. Выходит, время я потратил не вовсе бесполезно.

Остановившись в сени светофора, я вспомнил, что сказал Лантура о Юпитере Кенте. «Став политиком, он не утратил благородства». Неужели, становясь кем-то, ты с необходимостью должен что-то утратить? Частицу себя прежнего? А если решишься восстать, сохранить себя, то будешь отторгнут, заточен в стеклянную будку, где сколько ни пей, а отнятая подруга, в петле, с посиневшим лицом, всегда пребудет перед мысленным взором. Стоит ли, в таком случае, вообще, *становиться*? Не проще ли и не лучше ли тогда просто *быть*?

Вот тебе девятнадцать лет. Мечом ты владеешь уже сносно; смелости, как водится, не занимать. Но еще не рыцарь. Можешь сесть на отцовскую лошадь, махнуть в соседнюю провинцию, где давали объявление о драконе, убить его, – хотя бы ему и было сто лет (против твоих-то девятнадцати); тут же девушка, которую он бы иначе съел, захочет тебе отдаться: ну, это естественная реакция, спасение жизней возбуждает невероятную похоть даже между совершенными незнакомцами – по крайней мере, так трактует вопрос психология, хотя это, конечно, до ужаса неточная наука; ну вот, вы порезвились с этой девчонкой – да не где-нибудь, а прямо в

вакантном драконьем логове, на отныне ничейном золоте, встаает, помогаешь ей застегнуть платье на спине, которая у нее вся в круглых синяках от золотых монет, набиваете карманы деньгами и – на отцовскую кобылу; подбросил ее до деревни, а сам – к лавочнику за новыми сапогами, а потом в кабак, а потом – хоть потоп, и на утро, все равно, голова ясная, хоть ты и бил на спор с мужиками, которым уж крепко за сорок (против твоих-то девятнадцати), и у всех от тебя очень приятное впечатление, и у девчонки, и у мужиков, и даже, в своем роде, у убитого тобой дракона, а ты от них, вообще, в полном восторге.

Но вот тебя посвятили, приняли в орден. Прежде ты просто *был*, а теперь начал *становиться*. И ты *становишься* до такой степени, что убивать дракона уже не поедешь, пока они с руководством твоего ордена не сойдутся в цене. А когда сойдутся, то ты войдешь в пещеру к зверю, и пусть ему будет даже девятнадцать лет (против твоих-то двадцати девяти), все равно, он тебя так распишет, что еле ноги унесешь, а ты его только жестоко покалечишь, так что зверь промучится двое суток, а потом сдохнет от тоски и боли. Возвращаешься в эту пещеру, осоловелый от анестезии, застрахованный, а у спасенной красавицы – в обход официальной психологии – похоти ни в одном глазу, а ты, верный научному канону, можешь хотеть ее сколько угодно; все равно есть Кодекс, который гласит: осуществивший спасательные мероприятия представитель ордена, именуемый в дальнейшем «рыцарь», обязуется не вступать в плотские сношения, именуемые в дальнейшем «сношения», со спасенной в ходе спасательных мероприятий особой, именуемой в дальнейшем «прекрасной дамой». Такие дела. Ты под этим подписался. И на разных лошадях вы возвращаетесь в районный центр, пока оценщики опечатавают драконье золото; потом ты сидишь в баре, не зная, на что бы употребить получку: на пол ли с подогревом, на подвесной ли потолок. Пьешь, пьешь, пока потолок с полом не поменяются местами, а уважения со стороны мужиков так и не прибавится. А на утро... – да лучше было бы сгинуть в той пещере! Можно подумать, что твой ангел-хранитель просто умыл от тебя руки. Не удивлюсь, если примерно так и происходит.

А спустя еще несколько лет подобного *становления*, уже ты сам договариваешься о цене, не соглашаясь посылать своих рыцарей за такие деньги. В конце сходитесь на том, что вдобавок к вознаграждению орден получает сорок процентов драконьего клада. Кладешь трубку, получаешь факс, выпиваешь один у себя в кабинете и даже не можешь себе представить, как это могло быть, чтобы ты скакал в одном седле с девчонкой, именуемой в дальнейшем... – неважно как; кому есть дело до имен? – и в волосах твоих был ветер,

и пара новых сапог составляли твое искреннее счастье. Как же надо было потом *становиться*, чтобы так под конец скурвиться!

То есть, ты неизбежно становишься кем-то или чем-то, нельзя иначе; но должен же быть и способ становиться, по мере возможностей, самим собой? Не размениваться по пути, уступая, прогибаясь и вбирая, а продвигаться так, чтобы с каждым шагом все яснее проступал твой собственный оригинальный характер. Как угловатые контуры черепа проступают на лице покойника.

Но как этого добиться? И как удостовериться, что превращения, выпавшие тебе, происходят именно от тебя, а не от мира? Мерлин обещал, что волшебство подействует как зараза – превратит меня в нечто новое, не совпадающее с тем, что я привык называть «Джуд Леннокс». И только при этом условии я смогу остановить убийцу из моих сновидений. Или сам стану этим убийцей... Темные речи волшебника и по его смерти продолжают портить мне настроение. Неужели мое расследование провалится, если я просто *буду*? Неужели я непременно должен *становиться*? Впрочем, я приехал.

Заняв место на парковке, захожу в двери отеля «Монсальват». В просторном холле почти безлюдно: парочка бодрых пенсионеров завтракают посреди множества пустых столиков; охранник шепчет что-то игривое на ушко строго одетой сотруднице; за стойкой регистрации девушка – мне не видно, что она делает, но как будто отряхивает юбку. Завидев меня, она распрямляется и посылает мне навстречу запоздалую улыбку.

– Здравствуйте, – говорит она мне, я тоже здороваюсь и показываю свое удостоверение. И это был конец ее улыбки.

– Если вы по поводу самоубийства гостя мистера Фелтона, то мы уже все рассказали и полиции, и вашим коллегам. Да и рассказывать-то было нечего, – она слегка отклоняется от прямой оси и бросает короткий, но исполненный значения взгляд мне за плечо. Тут же за спиной раздаются приближающиеся шаги: это леди в сером костюме, нашептавшись с охранником, идет применить ко мне свой авторитет.

– Чем я могу помочь благородному сэру?

– Тем, что позволите мне осмотреть номер, в котором несколько дней назад произошло самоубийство. Это выполнимо?

Пожилая чета, отвлекшись от завтрака, перенесла свое внимание на происходящее у стойки. Серая леди становится ко мне ближе, чтобы перейти на конфиденциальный полусшепот.

– Знаете, сэръ рыцарь, ваши коллеги уже обыскивали номер, после чего мы получили разрешение снова его сдавать. Разумеется, мы провели там тщательнейшую уборку, и с тех пор один постоялец уже провел в нем ночь, а когда он выписался, горничная снова там убралась. Что же вы рассчитываете найти?

Я снова раскрыл удостоверение и показал ей пальцем на строку «Отдел супернатуральных расследований».

– Не сомневаюсь, что ваша горничная убралась как следует. На данном этапе нас интересуют не столько улики, сколько знаки... понимаете? Метафизика... Астральный план... Тонкий мир. У нас свои приемы. Погадаю на рунах. Загляну в зеркала. Пошепчу над унитазом. Три магических слова: «Кмедах! Квокити! Ракапу!» Ну, не буду раскрывать всю профессиональную кухню, – оглядываюсь на девушку за стойкой, надеясь, что она с пониманием отнесется к моим служебным тайнам.

– А с чего бы отделу супернатуральных расследований заниматься этим случаем? – спрашивает леди в сером.

– Боюсь, что не могу это откомментировать, – сказал я и сам восхитился, как естественно и весомо прозвучали мои слова.

Будто за милостыней, я протягиваю раскрытую ладонь к девушке-администратору. Она, получив от начальницы новый знаменательный взгляд, подает мне ключ.

Поднимаюсь на лифте – чем выше, тем больше моя озабоченность, что на самом деле я даже смутно не представляю, что и как буду искать. Профессиональную кухню придется создавать на месте, и боюсь, что в приемах я буду сильно стеснен. Выхожу в коридор, отпираю дверь в уютный люкс: две комнаты – спальня и нечто среднее между гостиной и кабинетом. Наверно, в этом городе это самый большой шик. Номер, и правда, приятный. Вывешиваю табличку «Не беспокоить», запираюсь и остаюсь наедине со своей растерянностью.

Мерлин велел мне ходить между трупами, произносить имена убитых... Но даже если все это понимать буквально, – а скорее всего, этого делать не следует, – мне все равно не с чего начать: труп закопан, имени несчастной я не знаю. За неимением трупов – хожу между креслами. Вся обстановка – более или менее в кремовой гамме: стены, портьеры, ковровый настил, симпатичные постели в рамках. За окном в розовой дымке – контур скоростного шоссе.

От нечего делать пощелкал выключателем, но желтый электрический свет не дал никакой разницы, полностью растворяясь в ярком свете из окна.

Вот ванная, где она умерла. Открываю оба крана, сажусь на крышку унитаза, слушаю, как плещет вода. Вот так и она сидела здесь же, обняв себя и скорчившись, слыша лишь свое заходящееся сердце; тошнота подступала волнами, но принятые накануне таблетки блокировали рвоту – яд оставался в желудке, быстро убивая девушку. От рези в животе намокли ресницы, но она ни разу не всхлипнула, опасаясь, что Фелтон может проснуться. Вот тут на раковине стоял стакан с водкой, который она не допила. Во рту

горечь и соль от собственных слез. Волосы пристали к мокрому лбу. Потом боль ушла, тело стало неметь; уже не слишком хорошо соображая, она глядела на плитку пола, а с кончика носа и верхней губы капали последние остывающие слезы. Пульс сделался произвольным, замедлился. Разбив себе лоб, но не почувствовав этого, она упала на холодный кафель. Потом ее сердце замерло.

Почему она выбрала эту наперстянку? Считается, что аптечные препараты – более комфортный способ расстаться с жизнью. И почему, все-таки, это место?

Закрыв воду, возвращаюсь в гостиную. Достая из ящика стола телефонный справочник.

– Если кто-то виновен в смерти этих женщин, то пускай он станет сейчас известен, – вслух говорю я, наугад раскрываю справочник и не глядя тычу пальцем куда-то в середину страницы.

Выявленный таким образом подозреваемый, некто Вениамин Гетль... – нет, нет, даже думать об этом стыдно! Я захлопываю фолиант и кладу его обратно в ящик. Видел бы меня сейчас маэстро Мерлин! До чего я жалок и беспомощен.

Мне, наконец, становится жарко. Бросаю пальто на кресло, снимаю один за другим ботинки и отправляюсь в спальню. Вот тут они с Фелтоном... Передо мной не кровать, а прямо целое государство! Свободного от кровати места так мало, что оно может восприниматься только как подступ к роскошной и обширной постели, в которой двое могут спать не касаясь друг друга в самых разбросанных позах. Впрочем, размеры кровати настраивают на то, что сон не должен составлять главного занятия постояльцев: для сна такой простор не нужен; такой простор побуждает к маневрам, к штурму известных бастионов, по вульгарному выражению беллетристов.

Каков же был этот штурм? Каково ему было в постели с девушкой, которая решила непременно умереть и как первый взнос, как залог своей решимости уже приняла противорвотное и, выпивая с ним, всякий раз отказывалась от закусок, чтобы ускорить всасывание? В своих показаниях Фелтон что-то говорил о сочетании нежности и распушенности с ее стороны и о том, что никогда ему не было так сладко, но насколько это аккуратные наблюдения – сказать трудно: возбужденный трагедией ум художника мог обострить и преувеличить действительный опыт.

Я даже подумал, не позвонить ли в офис и не допросить ли его еще раз, прямо по телефону, и даже набрал выход в город, но потом все же повесил трубку.

Мысль моя тупа. Стоит мне оказаться в тепле, мозги сразу цепенеют, по всем членам растекается нехорошая слабость. Дух увязает в материи. Особо не рассчитывая, что это поможет, я

открываю окно и сажусь на кровать. Вытаскиваю из кармана ее кулон и держу на ладони перед собой.

Ох и странная вещица! Снова зажав подвеску в кулаке, я откидываюсь на спину. Матрац упруго качнулся подо мной. Наверно, я и не мог преуспеть – только не в таком состоянии: необходимо сосредоточиться, настроить резкость, чтобы мое вчувствование проникло за пределы внешнего и мнимого, а мне просто хочется помещански заснуть, пустив слюну в подушку, – каких тут можно ждать мистических откровений!

Должно быть, Мерлин недооценил мой иммунитет к волшебству. Смотрю в бездну, а вижу фигу. Вдруг я уже слишком косный, чтобы чем бы то ни было становиться? Радоваться мне, если это так, или печалиться? И вообще: что-то я проголодался.

Приятно думать, что на заднем сиденье машины меня дожидается собранная Гальфридом корзинка с лососем, сыром и оливками. Очень похожую корзинку брала с собой Джудит на наши пикники. Чего она только туда не клала! Гусиные яйца, персики, бланманже, паштеты, мороженое, раков, свиное вымя, а один раз были даже дрозды, фаршированные изюмом. Готовила моя подруга вкусно и изощренно. Как теперь перебивается? С другой стороны, если уж научилась обходиться без меня и вообще без мужчин, то и к новому рациону, должно быть, притерпелась. Каша, зелень. Четверть хлеба, размоченная в вине, после утрени и вечера. Мясa, кажется, они там вовсе не едят – одну рыбу, которой Джудит не большая поклонница. Правда, отцы церкви, как я слышал, выступили с весьма изящной контрмерой, подрывающей этот рыбный диктат, а именно: договорились считать рыбой вообще все, что обитает в водной среде – включая бобров и диких уток. Если бы с моста в реку свалилась свинья, они бы, скорее всего, и ее уплели, оформив как разновидность осетра.

– Ты забываешь об анисовых пряниках, – улыбнулась Джудит. – Наша настоятельница – большая защитница всего, что касается выпечки. Миндальное печенье, марципановые фигурки апостолов, оладьи в сахарной пудре. Ты бы зашел как-нибудь к нам, я бы тебя угостила. Ты ведь совсем стал худенький!

Выглядит она замечательно. Вся в черном, волосы строго убраны на затылке, уши наголо – так что видно ее серьги в виде распятий; грудь, прикрытая вуалью, кажется преувеличенно пышной в высоком и тесном лифе. Сборки платья украшены подобием каменных кружев, какими восхищаемся на ребристых сводах позднеготических соборов.

– Ух ты! Джудит! Признаться, не думал, чтобы монашки так одевались!

– Это от ордена к ордену разнится. Ты еще кармелиток не видел. Правда, по их уставу прыщик нельзя запудрить, если выскочил. На этом у них основывается учение о смирении. Слушай, а у тебя здесь прохладно.

Я подвигаю кресло ближе к камину, но не вплотную, – чтобы не сожгла своего роскошного платья. Сам усаживаюсь на ковер возле нее; хотел ей сделать массаж ног, но у меня отчего-то никак не разжимается правая рука: слепилась в кулак и все тут. Светло, наверное.

– Не так уж плохо, что холодно. Вино будет слаще...

– Ой, даже не упоминай о вине! – с неожиданной злостью восклицает она. – Наш садовник, Юпитер Кент, совсем не отрывается от бутылки.

Таких ужасных выпивох
Не помнят на земле!
Всегда он пьян, всегда смердит,
Всегда в одной туфле.

– Какие вздорные стишки! Что это еще за фольклор?

– Это, между прочим, мы с девчонками сочинили, – она обиженно дернула щекой. – Не всех же господь одарил, как тебя. Помнишь, что ты мне пел под балконом?

Я не знаю, Джудит,
Что со мною будет,
Если ты немедля не отдашься мне.
Я умен и скромн,
И недурно скроен,
Нет причин, голубка, не отдаваться мне.

Я, признаться, не помню этой песни, но не может же быть, чтобы она выдумывала – такое по ходу дела не сочинишь. Да, наверное, пел.

– Ну что ты, не обижайся. Давай я принесу нам выпить. А то, и правда, холодно.

Спускаюсь в погреб, но там пусто: ни одной бутылки – не иначе стараниями Юпитера Кента. Я злюсь на себя, что не спросил Джудит во сколько ей уходить, а теперь не ясно, имеет ли смысл мне ехать за реку до ближайшей винной лавки. Все равно: когда еще придется с ней вот так посидеть, надо съездить. Вышел уже на крыльцо ловить экипаж и вдруг вижу: из сугроба торчит... здесь я задумался, можно ли сугроб назвать «белоснежным» – он вроде бы по определению состоит из снега, но белизна его так преходяща в городской черте! – так вот, из белоснежного искрящегося сугроба виднеется темное бутылочное горлышко, и рядом же зачем-то воткнуты в снег два бокала. Кто-то оставил охлаждаться. Наверное, другие жильцы. Вытаскиваю послушной мне левой рукой бутылку: красное,

«Сассикайя». Ладони больно держать холодное стекло. Таким точно не согреешься. Но можно вылить в кастрюлю, добавить меда, тмина, имбиря, чуть-чуть гвоздики – и сварить глентвейн. Я высыпаю пригоршню монет в один из бокалов, чтобы соседям было не так обидно остаться без выпивки.

Поднимаюсь обратно на свой этаж, периодически делая остановку, чтобы поставить бутылку на пол и подышать на заледеневшую ладонь. Правая рука так и не разнялась.

– Знаешь, с рукой у меня что-то неладно...

Джудит, которая теперь одета иначе, пожимает плечами.

– Мой отец как-то сказал, что все недуги от неупорядоченной половой жизни.

– Ему-то откуда знать? Он же у тебя собак разводит. Для короля.

– Нет, – говорит Джудит, – он у меня как раз доктор. Правда, глазной.

Это, конечно, противоречит моим представлениям о ее отце, потому что я помню, что немного его опасался, меж тем как глазные врачи не могут внушать никакой угрозы, не мне – с моим безупречным зрением, но с другой стороны, почему бы и нет? Может, он у нее не только офтальмолог, но и, скажем, великолепный стрелок.

Включаю огонь, ставлю кастрюлю, принимаюсь подбирать специи.

Она, заскучав одна у камина, приходит ко мне на кухню. Садится на мягкий табурет вместе с ногами. Носки у нее в цветную полоску – торчат из-под джинсовой бахромы.

– А ничего?.. – спрашиваю я. – Все эти разговоры про половую жизнь... Выпивка... Я... Тебе ничего за это не будет? В твоём ордене? Как он называется?

Она называет странное слово, которого, вообще говоря, не существует; тем не менее, смысл его более или менее ясен, ибо оно состоит из понятных по отдельности элементов: этот употребленный ею термин значит, что она еще не вполне стала той, кем должна, или же что она в принципе уступает в ряде отношений остальным участницам ее корпорации. Что-то в этом роде.

Девушка, сидящая на моей кухне, невероятно красива. Лоб у нее засыпан длинной каштановой челкой, мягкие волосы лежат на тоненьких плечах. На лице совсем нет косметики, смотрит на меня и улыбается. Стараюсь не заглядываться на ее грудь, слишком приметную под тесной майкой, но чтобы устоять, приходится вообще на нее не смотреть. Ей-богу, мне кажется, она уже вполне стала той, кем должна, и ни в каких отношениях не уступает остальным. Скорее уж, превосходит. Смотрю на ее голые от плеч руки с едва заметным

темным пушком, и пытаюсь понять, мерзнет она или нет. Я вот мерзну.

– Вообще, это у меня в первый раз, – говорит она. При этих словах я просыпаю слишком много гвоздики в рубиновую жидкость. Если это чудо в цветных носках окажется проституткой, мне будет так невыносимо жаль, так плохо, потому что это будет значить, что даже самые милые и трогательные создания не застрахованы от социального зла.

– Так что не будем тратить время, – продолжает она, усугубляя мои предчувствия. – Я точно не знаю, кто вы, но понятно, что вы хотите нас спасти. Во-первых, вот вам свитер, чтобы вы совсем не замерзли, – девушка подает мне аккуратно сложенный красный свитер, очень мягкий на ощупь. – Так. Ну а самое главное – вы должны поехать в это место... такое странное название...

– Лаврион? – спрашиваю я.

– Что? Нет. Это никак не связано с футболом, – покачала она головой, хотя и не ясно, какая может быть связь между Лаврионом и футболом. – Ну, это типа такая экосистема...

– Верещатник, что ли? – я подсаживаюсь на соседний табурет.

– Точно! Вы молодец! Верещатник. Как будто от слова «верещать». Вы зря думаете, что там нечего делать. Поезжайте туда к часу ночи и... сами узнаете. Я все равно точно не знаю, что это будет. Я же говорю: первый раз этим занимаюсь – сама. Ладно, у меня сейчас в университете серьезные проблемы, надо бежать... То есть, я понимаю, что происходящее здесь бесконечно важнее, но я вам, правда, больше ничем не могу помочь. Пока, во всяком случае, – она слезает с табурета, касается пальцами моей стиснутой руки и очаровательно пожимает плечами.

– Нет, конечно, нельзя все сводить к половой жизни. Это тоже со временем получит свое объяснение. Ну, прощайте, – юная красавица выходит из кухни, и я убеждаюсь, что и задница у нее безупречная. Вот бы увидеться с ней еще раз! Такая хорошенькая, просто невозможно.

Я включаю телевизор, надеясь наткнуться на прогноз погоды, но не могу узнать ни одного телеканала: какие-то неведомые передачи по всем программам. Ну да, конечно, решил я, здесь же совсем другое телевидение, чем в столице, – чего я ожидал? Наконец, нахожу по одному из каналов «Кто хочет стать миллионером?», хотя и с другим ведущим; два неверных ответа игрок уже исключил, и осталось только два варианта: *Claviceps Purpurea* и *Digitalis Purpurea*. Вопрос как-то связан с документальным кино. И тут я открываю глаза.

Прямо наваждение какое-то! Снова заснул! Первый мой день в качестве следователя, а я только и делаю, что засыпаю повсюду, где к

этому есть малейшая возможность. Со стоном негодования на себя принимаюсь тереть лицо руками и понимаю, что впечатал себе в щеку посторонний предмет. В ладони у меня по-прежнему кулон безымянной девушки. Рука болит – пока спал, я сжимал его так сильно, что на коже отпечатался рисунок с поверхности амулета. Пальцы затекли, а подвеска стала почти горячей. Нет ли у меня температуры? Я оглядываюсь на открытое окно, под которым заснул, и замечаю, что где-то в носоглотке возникло мерзкое простудное предвкушение. Проклятье! Только что все было так приятно, а теперь расположение просто хуже некуда! Вздыхая от стыда и оправляясь, я иду в ванную, причем задеваю спросонок все встречные косяки, справляю малую нужду, долго, со вкусом – а то уже накопилось, – и какое-то время просто плещу в лицо холодной водой. Полощу рот, закрываю кран. Глядя на себя в зеркало, пытаюсь вернуться туда, где меня оставила рациональная мысль.

А что, собственно, такого приятного я испытал? – по сравнению с чем мое нынешнее состояние кажется особенно скверным... Да, что-то ведь снилось хорошее... Еще этот кулон в горсти мне все время мешался... Вспоминаю, как смотрел телевизор, а до этого была девушка... Точно! Очень юная и очень красивая. От нее-то и происходила вся приятность сновидения. И тут мое вещее сердце подскакивает к горлу от предчувствия того, чего я пока не вспомнил, но вот-вот вспомню. Девушка, девушка – в таких забавных носках... Особо вспомнилась длинная челка, под которой исчезали ее брови, когда она удивлялась. Она сказала нечто важное.

Верещатник!

Это то место, где коронерская служба хоронит неопознанных покойников. Где похоронили и ту, что умерла в отеле «Монсальват». Но зачем мне ехать туда? Вообще: с чего я взял, что этот сон следует расценивать как указание? Мертвых красавиц в нем не было, а были только живые – слишком напоминает обычную мужскую грезу – со всякими влечениями и смутными страхами. Как там это называется? Сублимация, что ли? Мои заботы и пороки слились и опрокинулись на меня коктейлем из волнующих видений. Ведь там и Джудит была, кажется, сначала. Моя собственная мечта мне же и вынесла диагноз: неупорядоченная половая жизнь.

Выхожу обратно в гостиную, взглядываю на часы, и выясняется, что проспал я всего минут десять. Значит, меня еще не хватились. Ладно, что я теряю? В худшем случае проведу ночь на кладбище для беспризорников. Зато если это и был мой знак, то может быть, я приближаюсь к ответу. Или хотя бы к верной постановке вопроса. Может быть, оттого мне больше и не снятся умершие, что теперь я могу их спасти?

Причесавшись у зеркала в прихожей, я отпираю дверь и натykaюсь на горничную.

– Вы закончили? Я могу прибраться?

– Да, пожалуйста! Я особо и не мусорил. Может быть, покрывало в спальне поизмял. Следственные процедуры, – пояснил я, встретив ее настороженный взгляд.

Она зашла в номер, а я направился к лифту, растерянный и в то же время воодушевленный. Теперь уж точно не усну! Сейчас вот только кофе еще выпью. Нажимаю кнопку, дожидаюсь идущей снизу кабины.

– Сэр рыцарь! – дверь номера снова открыта, горничная направляется ко мне, протягивая какой-то сверток. – Это ваше. Что же вы, забыли?

Подношение оказалось вовсе не свертком, а красным свитером из моего сна. Я теперь только вспомнил, что нежная девушка в полосатых носках подарила мне свитер. Очень мягкий на ощупь – я и тогда обратил на это внимание. «А то совсем замерзнете», – сказала она.

– Ага, забыл... – пролепетал я, кажется, краснея на одну щеку. – Это подарок. Спасибо.

Добрая женщина пожимает плечами и возвращается в номер. Видимо, я не внушил ей высокого мнения о своем поприще. Двери лифта, давно открывшиеся, начали было съезжаться, и я едва успел запрыгнуть внутрь. По крайней мере, вопрос о доверии к моим снам, кажется, исчерпан.

К половине первого ночи я уже на треть опорожнил термос с кофе, – неизменный атрибут всякого сидения в засаде. Увы! – таиться на Верещатнике оказалось гораздо хлопотнее, чем я полагал. Думал: спрячусь за одним из надгробий, так чтобы видеть могилу самоубийцы из «Монсальвата», но самому не высовываться. А время скоротаю, предаваясь разным элегическим настроениям, отрешенный и мудрый. Однако прибыв на место, я разочаровался: оказалось, что на каменных кладбищах совсем нет замшелых надгробий из гранита и мрамора, ни, тем более, ангелов или стел, а есть только хиленькие дощатые кресты или даже попросту фанерные указатели, на которых масляной краской начертаны порядковый номер, дата захоронения и пол покойника. Нельзя ни прислониться к таким крестам, ни заслониться ими. Пришлось забиться в дальний угол и залечь где вереск погуще. Вот и вся элегия! На землю я постелил спальный мешок, которым меня снабдил Ноткер, положил рядом меч и бинокль, поставил термос – обустроился. Плохо то, что если отвел взгляд, то потом трудно найти нужный крест среди множества таких же, – все равно что следить за какой-нибудь одной веткой в кроне дерева.

Делаю новый глоток из дымящейся кружки. Холод, конечно, осязаемый, но как ни странно, не такой уж мучительный. Утром я мерз гораздо хуже. Впрочем, утром на мне не было чудесного свитера. Легко представить, что он не только сохраняет мое естественное тепло, но и сообщает свое, сверхъестественное. Чувствую себя королем Артуром, которому Дева Озера подарила волшебный меч. Что за славная девушка мне повстречалась во сне!

Без четверти час. Подходит обещанный срок – не сбегать ли отлить в специально намеченные кусты? А то потом проймет нектати. Со всяческими предосторожностями отлучаюсь до кустов, облегчаюсь там и уже иду обратно – как вдруг, если только не померещилось, до меня доносятся несколько голосов. Падаю на землю, не дойдя нескольких шагов до своего спальника, и замираю.

Слов не разобрать – слишком далеко, – но голоса как будто женские. Вскоре у могилы моей подопечной образуется небольшое общество. Шесть фигур в плащах с капюшонами: двое с керосинными фонарями, трое держат в руках заступы, а одна пришла ни с чем – видно, просто поболеть. У меня от возбуждения пересыхает во рту. Совершенно очевидно, что студенты-медики не единственные, кто не считается с правом мертвых покоиться в мире.

Женщины копают по очереди, теперь уже не разговаривая; одна, распарившись от работы, откидывает капюшон и мне становится видно белокурый затылок. А в другой раз ее напарница приоткрыла лицо, когда остановилась, чтобы попить. Но рассмотреть ее как следует мне так и не удастся. Долго копать им не приходится – понятно: во-первых, земля еще не слежалась, во-вторых, закапывая гробы на Верещатнике, могильщики редко соблюдают положенную глубину в шесть футов – на случай перезахоронения, а еще потому, что хоронят иной раз прямо поверх старых могил, а еще потому, что попросту неохота возиться – с этими, ничейными. Это все я узнал предварительно от церковного старосты.

Вот лопаты застучали о доски гроба; нимало не смущаясь производимого шума, они частично разбивают крышку, распаивают гроб настезь. Даже мне инстинктивно хочется, чтобы они вели себя потише: в такой тишине и малейшее ее нарушение обрушивается на тебя как раскат грома. Неужели сторож не слышит? Обменявшись несколькими словами, женщины бережно вынимают завернутое в белый саван тело и кладут его на расстеленное покрывало. Ухватившись за концы покрывала, четверо из них поднимают свою ношу и уходят с нею прочь. Оставшаяся блондинка ударами каблука сталкивает гроб обратно в яму и начинает закапывать разоренную могилу. Мне нужно срочно придумать, как быть дальше: попытаться выследить их? – но меня тут же заметят на этом пустыре. Наверное, сто́ит выждать немного, а потом схватить эту последнюю барышню.

Надо все-таки подобраться поближе, а то слишком велика у нее будет фора. Отчего-то я уверен, что она не станет ждать смирно, когда я крикну: «Не двигаться! РКС!»

Я уже совсем было собрался подняться с земли и начать исполнять задуманное, как вдруг меня осенило: если четверо ушли, а одна осталась, то куда девалась еще одна, шестая? Как же я упустил ее из виду? И только заслышав посторонний шорох у себя за спиной, я понимаю, насколько оплошал.

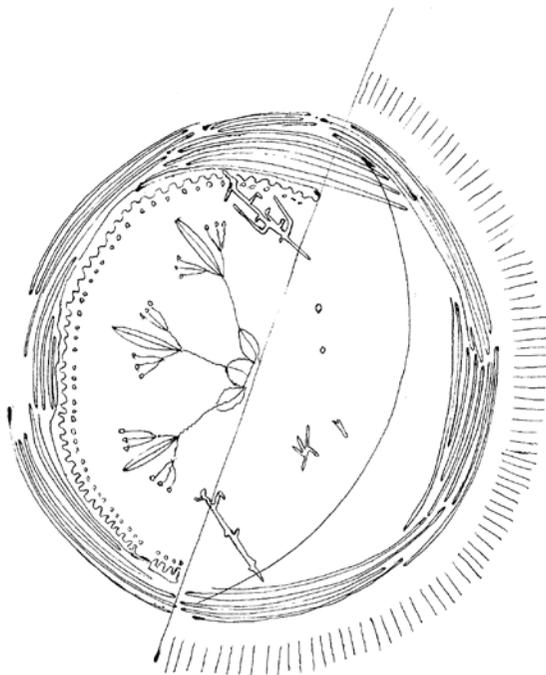
– Попался, лисенок-воришка! Ну что, много ли интересного увидел?

Не рискуя вскочить на ноги, я медленно переворачиваюсь и вижу над собой пропавшую номер шесть. У горла моего – перепачканное острие заступа. Девушка улыбается – насмешливо и одновременно зловеще. Надеюсь, что это просто следствие ракурса, из которого я смотрю на нее. Я предчувствовал, что она окажется красива – этой двойственной подростково-зрелой красотой, которую я открыл сегодня в морге коронерской службы.

– Эй! – окликает блондинку моя поимщица, не сводя с меня глаз.
– Подожди, не закапывай совсем! Мы взяли что-то у земли, надо что-то отдать ей взамен.

– Эй! – кричу я им обеим, – я не что-то! Я федеральный рыцарь!

Но тут она бьет меня лопатой по голове. Удар не доставил мне боли, я лишь понесся навстречу темноте, которая на этот раз не сулит никаких сновидений. Моя чудесная девочка с длинной челкой, почему ты так подставила меня?!

V. В поисках Сатурна

– Луис, нам нужно поговорить с твоей дочерью, – незнакомый женский голос в прихожей.

– Поверить не могу, что вы пришли сюда, – голос отца. – После всего, что вы сделали нашей семье. Вы отняли у меня жену, а теперь хотите забрать дочь?

– Замечательное самомнение! – другой женский голос, как будто знакомый. – Он думает, что все ведьмы состоят в заговоре против его семейного счастья. Когда мы добьемся своего, эволюция, очевидно, упразднит нас как вид.

– Помолчи, Румейла. Я не требую ни простить нас, ни забыть того, что между нами было...

– Это только разумно! Я бы хотел забыть, как ты, Марина, и ты, Лига, пинали меня по голове, но уж такая она – посттравматическая эпилепсия: все время напоминает о себе – приходится пить таблетки,

а еще волноваться нельзя, чуть перенервничал – и уже корчишься на полу. Как раз в подобных ситуациях...

– Луис, – еще один незнакомый голос. – Дай нам войти или...

– Или что? Снова отделаете меня? В моем доме? При дочери?

– Луис, выслушай! Ради нее! Нравится тебе это или нет, но София тоже ведьма. То, что угрожает нам, угрожает и ей. Ты должен пустить нас, если хочешь, чтоб она жила.

– Она никогда не будет одной из вас... – потом в коридоре замолчали на короткое время, потом снова раздался голос отца, – она сейчас спит.

Но София не спала. То ли ее разбудил стук в дверь, то ли она проснулась сама – почувствовав из своей беспокойной полудремы, что к ней идут. Она потерла разгоряченное ото сна лицо, села на кровати, взволнованная, соображая: не сбежать ли в окно, а может, притвориться, что все еще спит и ничего не слышит? Или хоть расчесаться, если успеет? Зачем они здесь? Пришли наказать за пожар на складах, уничтоживший голову Соломона Лу? Когда они вошли, она так и сидела, мучаясь между разными вариантами.

– София.

Хотя и понимая, что дверь вот-вот откроют, девушка все равно не успела внутренне приготовиться: вздрогнула так, будто ей за шиворот пижамы сыпанули пригоршню снега. К ней вошли четыре ведьмы, из которых самой младшей и единственно знакомой была Румейла. Три другие женщины были все черноволосы и чем-то напоминали королевских особ в изгнании: обстановка комнаты, в которой София выросла и которая хранила еще наивные приметы тех времен (игрушки, картинки, лошадки на обоях), казалось, наносила им оскорбление, но чистопородный аристократизм как бы приподнимал их над чужой убожеством. От них пахло сочетанием духов и мокрого холода.

– У тебя душно, – бросила та, что стояла впереди, наверно, их предводительница, и категорично прошла к окну и распахнула его. На Софию сразу подуло, но она не осмелилась протестовать.

Открывательнице окна подали стул, который она заняла, даже не взглянув куда садится. У нее не было бровей, и кожа на щеках была нехороша из-за перенесенной оспы. Первая уродливая ведьма, которую видела София. Может быть, не то что уродливая, но о красоте в этом случае говорить как-то не получалось. Смотреть на нее было жутко, еще более жутко – когда она смотрела на тебя.

– Мы уже встречались на шабаше. Но ты, наверно, не помнишь меня. Я Марина. Это Лига, это Полина. И – Румейла, конечно.

София, даже не попытавшись улыбнуться, кивнула ведьмам.

– А где Валерия? – спросила она Румейлу.

Но та лишь переглянулась со спутницами и ничего не ответила.

– София, ты ведь пробовала колдовать в последнее время, не так ли? Смотри на меня, эй! – велела Марина.

– Что? Нет, с чего вы взяли... Колдовать! – скажете тоже... Что вы сделали с Валерией?

– Дитя, ответь, ты знаешь человека по имени Джуд Леннокс?

– Да, есть такой, учится со мной... Что вы сделали с Валерией?

– Ну что мы могли с ней сделать? Наказали! Моет сейчас тарелки в клубе «Чумной барак». И будет еще две недели мыть. Бесплатно. А ты думала, мы привяжем ее за руки и за ноги к лошадям и пустим их вскачь в разные стороны? София, подумай: Джуд Леннокс – ты сказала, он с тобой учится в университете? Подумай как следует, этого не может быть.

Девушка натянула на плечи одеяло. Что они так удивляются, когда она подозревает их в самом худшем? Привязать человека к лошадям и разорвать на части – с них, пожалуй, станется! Не то чтобы София именно это и предполагала, переживая за Валерию, но уж кара в виде неоплачиваемого мытья тарелок отдавала совершенно чуждым этой публике гуманизмом.

– Джуд Леннокс – учится со мной на одном курсе. Что здесь невероятного? То есть, он, конечно, старше меня, но он где-то целый год путешествовал и вернулся только в конце лета – так что мы оказались на одном курсе. Фотографией увлекается.

– София, какая еще фотография! Я тебя спрашиваю о рыцаре Круглого Стола Ленноксе! Он только что прибыл из столицы. Единственная фотокарточка, что была при нем, – это посмертный снимок Лоры Камеды, несчастной девочки, что покончила с собой в «Монсальвате». Этой ночью мы похоронили ее на ведьмовском кладбище.

София пожала плечом, отчего одеяло, в которое она завернулась, соскользнуло ей на спину.

– Я не знаю, о ком вы говорите. Наверное, совпадение. Со мной правда учится Джуд Леннокс – такой рыжий, долговязый...

– Нет, у этого темно-русые волосы. Ты нам подсовываешь какого-то самозванца... – Марина наклонилась ближе к Софии, глядя на девушку из-под жуткого голого лба, похожая в этот момент на рептилию. – Дитя, ты уверена, что не знакома и с тем Джудом Ленноксом, что из Круглого Стола?

– Я их что, по-вашему, должна коллекционировать, этих Ленноксов? Мне и одного хватает.

Марина откинулась на спинку стула и кивнула одной из женщин, бывших в ее свите: может, Полине, а может, и Лиге – София успела забыть, кто из них был кто. Не то Лига, не то Полина приблизилась к кровати и, вынув из-за пазухи бумажный пакет, положила его перед девушкой. София, прищурившись, оглядела

выражения их лиц, но ничего для себя не почерпнула. Понятно, что содержимое пакета должно изобличить некий дефект в ее показаниях, – а девушка считала, что ее именно допрашивают, в полицейском смысле, разве что лампой не светят по глазам, хотя распахнутое окошко, вероятно, служит той же цели: подавить и обезоружить, – однако, что они могли такого принести? Решительно нет версий. Какой-то рыцарь еще на ее голову!

Она протянула руки к пакету, причем одеяло вновь упало с ее плеч, и вытащила наружу красный шерстяной свитер.

– Ой, – сказала девушка. И тут же об этом пожалела, видя тайное торжество на их лицах, – ведьмы явно надеялись, что она выдаст себя чем-нибудь в этом роде.

– Нет, это я не потому вовсе... чтобы вы там ни думали... просто мне вчера приснилось... я во сне связала такой же свитер и подарила... Я, собственно, не умею вязать...

Подробности того сновидения стали теперь возвращаться к ней. Она тогда проснулась внезапно и все-все помнила – пока валялась в кровати и наблюдала потолок над собой; чудные узоры еще цвели перед глазами, аллегорические кущи со львами и грифонами сияли в вышине, девушка улыбалась, а потом, как водится, будничным мир взял свое: она встала, в кухне включила на двойку, накрыла крышкой, а сама пошла в душ – и события сна, и самые мысли о нем тотчас отлетели от Софии; так фантомы и химеры рассеиваются от петушиного или детского крика, от возбуждающих запахов приготовленной пищи, от объятий и поцелуев любимого человека.

Но теперь она вспомнила. Львов и грифонов там, впрочем, не было. Они готовились к встрече с каким-то мужчиной. Они – это сама София и Саския, которая, однако, была не слишком похожа на реальную себя, а делала и говорила вещи, подобающие, скорее, Акиве или еще кому-нибудь из старших ведьм. Во сне София считала, что ей сто́ит нарядится как-либо поразвратнее, чтобы впечатлить незнакомца. Саския на это возражала, что ведьма может одеться даже очень скромно, и все равно, для мужчины это будет как обещание самой роскошной наготы. В итоге девушка осталась в чем была: майке да джинсах, да еще таких смешных носках, как бы детских – в цветную полоску; возникло даже опасение, не придется ли ей доказывать, что она уже совершеннолетняя и что, стало быть, обещание роскошной наготы не таит в себе юридического подвоха.

Было такое чувство, будто она – отпрыск благородной, но обедневшей фамилии, и ее хотят выдать за человека, чьи связи и капитал помогут ее родителям приблизиться ко двору, вернуть дому утраченное высокое положение, снова проникнуть в политические кулисы. Словом, ей предстояло не просто свидание, а целая спасательная операция.

Потом сюжет сновидения видоизменился: она уже не преследовала интересы фамилии, а отстаивала права не то всех женщин вообще, не то одних только ведьм. Другие девушки проходили мимо нее и звали: «София, бери заступ и идем с нами... на пленэр!», а она отказывалась, отвечая, что им самим не справиться, нужна помощь и она приведет ее. Вообще-то, они говорили не «на пленэр»... – слово было другим, странным, и как-то относилось к местной флоре; сейчас она не могла его припомнить. Скоро ведьмы, несущие орудия труда, перестали попадаться ей – все ушли на этот их субботник или что они там затеяли.

А она пошла разыскивать того, кто в начале сна мог бы стать ей суженым, а теперь был решающей инстанцией в деле спасения ведьм от самих себя. Несколько мужчин заверяли ее, что как раз облечены такой властью, предъявляли копии отчетов, делали звонки, дарили визитки, но она чувствовала, что эти просто ищут повода ухлестнуть за ней. Потом она оказалась в незнакомой комнате – одна, но вскоре к ней вошел некий молодой человек: в левой руке он держал бутылку вина, а на правую, свободную руку сразу же ей пожаловался – она у него то ли отнялась, то ли занемела, а может, что-то еще. Поначалу он явно принимал ее за другую, – видно, за свою знакомую, потому что держался с нею запросто и касался в разговоре многих интимных частностей из ее жизни, о которых София, в общем-то, слышала в первый раз. Беседа у них в силу этого последнего обстоятельства состояла сплошь из маленьких недоразумений. Потом, на кухне, до него, похоже, дошло, что она не совсем та, на кого он ориентировался, – его до этого общие и случайные взгляды стали выверенными, предметными, и предметом этих новых взглядов была, в основном, ее грудь, хотя он и пытался, как мог, интересоваться девушкой в целом, ценить в ней собеседника и все такое. Бывает, застенчивость идет мужчинам. Впрочем, ему стало легче ценить в Софии собеседника, когда она сама подала к этому повод. Девушка указала ему то место, где он сможет найти остальных ведьм, – место, называемое таким необычным словом... похоже на «крещендо»... или «крещальня»... или «трещотка»... нет, никак не вспомнить! Может, «верещалка»? Нет, глупости, бесполезно.

Еще его немного знобило, и София подумала, что хорошо бы подарить ему свитер. И хотя эта мысль возникла во сне только что, она затронула обратным порядком весь предшествующий сюжет: с этого момента ей стало сниться, будто она заранее связала свитер специально к их встрече.

Он поблагодарил, учтиво склонил голову и бросил при этом тайный взгляд на ее грудь, – видно, желая получше запомнить, как выглядит вместилище ее великодушного сердца. Девушке это было приятно – поскольку незнакомец ей смутно нравился. Но пора было

идти: ей еще предстояла очная ставка с профессором Сальдиваром в кабинете декана. На самом же деле, весь этот сон ей приснился как раз по возвращении из университета, где в присутствии ее врача, отца и нескольких профессоров было решено оставить Софию в числе студентов – при условии, что она немедленно обратится за медицинской и психологической помощью.

– Эй, дитя, ну что, вспомнила? – Марина взяла девушку за плечо, и София через рукав пижамы почувствовала, какие холодные у нее пальцы. – Говоришь, ты связала такой же свитер? Может быть, не такой же, а как раз этот самый?

Девушке вспомнилась книжка, которую она читала в прошлом месяце: «Коан ведьм» – с фразами типа «Если ты приходишь из смерти и уходишь в смерть, твой путь бесконечен». София решила, что Марина говорит тем же загадочным языком мнимой бессмыслицы, от которого девушку должно накрыть вожделенным ведьминским *сатори*. Как тогда истолковать слова безбровой владычицы? Напоминает, может быть, что нет разницы между мечтой и реальностью? Что весь мир – это ее, Софии, сон, производное от ее мысли? И объективное познание утопично? Или объективность достигается путем признания субъективности нашего опыта? Или речь шла об изначальной несостоятельности языка в качестве инструмента освоения действительности? И роза неизменно пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет? И нет ли ловушки в том, что язык все розы мира наделяет одним именем? И даже приснившуюся розу? Ввергает нас в грех обобщения, превращающий такое же в то же самое?

– София, мне казалось, я задала простой вопрос...

– Как видно, недостаточно простой! – огрызнулась девушка. – К чему вы клоните?

– Твое подсознание оказалось мудрее тебя. Перед тем, как вы с Валерией так неудачно распорядились твоими сигаретами, голова Соломона Лу сказала тебе: «К началу его сна вы уже мертвы». Хотя ты понятия не имела, что с этим делать, ты все равно сделала: как-то объединила ваши сны, чтобы он увидел тебя, увидел живую ведьму. Ты сообщила ему и то, где искать остальных. На Верещатнике...

– Точно! Вере... – воскликнула София и тут же осеклась. – Откуда вы знаете, что я ему сообщила?

– С его слов, разумеется. Это он рассказал нам, как какая-то девчонка вторглась в его сон.

Девушку это не убедило.

– Вы что, говорили с человеком из моего сна? Наяву? Кто он? Как вы его нашли?

– Это он нас нашел. Следуя твоим указаниям. Его зовут Джуд Леннокс – но не тот, с которым ты учишься. Другой, из Круглого Стола.

Здесь София встала и закрыла окно, сочтя, что их разговор уже вышел из стадии допроса, когда ей полагалось мучиться и во всем сознаваться. Настало время эмансипации неведомым, теперь у нее самой были права, претензии и вопросы к правящей элите. Пусть отдуваются.

– Хотите сказать, моя душа – совершенно так, как это описывает Августин, – предприняла небольшое путешествие, пока я спала; навестила другую спящую душу; они там обменялись новостями и разошлись обратно по своим снам?

– Про это есть книга? – глаза Марины сделались больше, безволосые брови неодинаково подбросило. – И ее написал мужчина?

– Этот про все подряд писал. Нам по психологии рассказывали. Он такую душу называет «фантастикум». Человек спит, а фантастикум гуляет сам по себе. А с чего бы я... мой фантастикум – стал разыскивать непременно этого Леннокса? Мистер Лу ведь не называл имен. И как я нашла его?

Марина заговорила не сразу, разочарованная, что мужчиной написан уже целый труд на тему, которая ей, женщине и ведьме, самой понятна пока не до конца.

– Вообще-то, мы думали задать этот вопрос тебе. Стало быть, ты не прикидываешься? Ты, правда, ничего не знаешь? Но хотя бы можешь рассказать, что происходило перед тем, как ты появилась во сне у Леннокса?

София проглотила вязкую сухую слюну; самочувствие было так себе: виски немного ломило, глаза припухли.

– Я на минутку.

Она вышла в коридор, где ей тут же пришлось успокаивать отца, который угрюмым стражем слонялся за дверью, а увидев дочь, вздрогнул и подался навстречу; София увела его на кухню, напилась там воды, заправила и включила кофеварку, дождалась, нарушив обещанный срок в одну минуту, пока наполнится кофейник, разлила густой как смола напиток в сервизные чашки, а себе – в большую желтую кружку с надписью «От редакции “Северной правды”», – и вернулась с подносом в свою комнату.

– Папа предлагал подсыпать вам мышьяку, но мне было жалко портить кофе. Впрочем, сахара тоже не предлагаю. Пожалуйста.

Она со своей кружкой уселась на подоконнике.

– Ах да! – опомнилась София под гнетущим взглядом старшей ведьмы. – Ну, самое начало я забыла. Там со мной была Саския, это моя подруга – Румейла, наверно, ее помнит, вы виделись на шабаше... Значит, мы готовились к встрече с каким-то мужчиной –

не зная даже, кто он; зная только, что нам важно увидеться. И потом я встречалась с разными... ну, кандидатами... – но это все были не те. А потом я оказалась в его доме...

– Как это – оказалась? Пришла к нему? Почему же именно к нему?

Девушка покачала головой и потупилась в свой кофе.

– Я не помню, честно. Я, вообще, сны обычно не запоминаю.

– Значит, остается гадать, – печально суммировала Марина. – Каспар полагает, что ты нашла его, ориентируясь на ловца магии. Леннокс спал, зажав его в руке.

– Какого еще ловца магии?

– Ты могла бы уже начать осваивать терминологию. Это такой амулет. Он принадлежал Лоре, а после ее самоубийства достался Ленноксу как вещественное доказательство. Он принес его в номер, где она умерла. И там уснул.

София с ужасом поняла, что фантастикум вывел ее на извращенца-некрофила. Кто же еще придет спать туда, где только что умерла молодая женщина! Паломник склепов, мученик изысканного порока, с бледным челом и взором беспросветным как колодец. Сон кажется ему подобием смерти: дыхание слабеет, течение соков замедляется, он временно отходит в кладбищенскую сень... И чтобы вполне упиться своей торжественной грезой, он прижимает к сердцу Лорин амулет, сувенир смерти. Значит, сударь, жизнь, с ее неровным румянцем, криками и возней, для вас слишком несовершенна? «К началу его сна вы уже мертвы» – ну еще бы! Покинутый своими мертвыми музами, как он, должно быть, разочаровался, завидев улыбчивую глупую Софию, в этих пестрых носках! А что же он тогда на нее пялился? Наверно, думал: вот была бы эта грудь бездыханной, как мрамор, укрыть бы ее саваном и придавить плитой... Подумать только! – она ведь считала, что это Клод-Валентин – больной! Да по сравнению с Ленноксом Клод-Валентин просто... Ах, что же ей так капитально не везет?!

– Но Акива думает... и я ней согласна, – продолжала Марина, – что ты нашла его сама, интуитивно, что тебе не нужно другого компаса, кроме собственного сердца. Полагаю, твой Августин про это ничего не пишет? Типичная поверхностность. Так или иначе, это было твое первое волшебство, София, хотя ты и не в ответе за него... Но Акива была права и в том, что не подпускала тебя к голове Соломона. Вот ты выдала нас Ленноксу, но точно так же могла бы выдать любому чудовищу. Ты совсем еще несмышлениш. Ладно. Есть один человек... Это Акива нашла ее – для тебя. Ведьма, которая, как и ты, не сочеталась с медиатором и все же овладела колдовством. Будешь ходить к ней на приемы. Она ведь еще и психиатр...

София только хмыкнула. В университете ей как раз намекали на полезность услуг такого рода специалиста. Кажется, ведьма и студентка четвертого курса – две ее роли, до этого совершенно независимые друг от друга, – наконец-то начали соединяться в одну.

Марина положила визитную карточку на столик рядом с кроватью. Встала.

– Вот. Позвонишь по этому номеру. Договорись о встрече. Пожалуйста, не затягивай. Твои вольности по линии волшебства могут нам дорого обойтись. Не провожай нас.

Ведьмы вышли в коридор, встретив там Луиса Верну, обменялись с ним парой взаимных пожеланий, кто-то повысил голос, хлопнула дверь, и потом стало тихо. Отец, бледный и немолодой, руки в карманах, с незажженной трубкой в зубах, вернулся к ней в комнату.

– Я пытался подслушивать, но так всего и не разобрал. Ты что, правда, сама колдовала?

– Ой! – второй раз за вечер воскликнула София, и снова поводом оказался свитер, который ярким пятном алел на простыне.

Девушка подскочила к окну, открыла задвижки и крикнула вниз, в синюю темень:

– Эй, вы забыли свитер! – изо рта у нее вырвалось несколько белых облачков.

– Ничего! Оставь себе! Ему он уже без надобности!

– Ну... – София в нерешительности досмотрела, как ведьмы скрылись за поворотом; постояла так еще немного, размышляя, пока холод не проник между пижамой и телом. Тогда она закрыла окно.

– Да, – повернулась она к отцу, – вот, свитер наколдовала. Взять не умею, а наколдовать – пожалуйста! Приличная, кажется, вещь... Еще пару таких – и можно не тратиться на рождественские подарки. Вообще, такие открываются перспективы...

– Дочь, скажи: что им было надо?

– Да, знаешь!.. Смотрели, как тут у меня условия... Все ли подходит для подрастающей ведьмы... Тебе не нужно волноваться, правда.

– Они сказали, тебе что-то угрожает. И твое здоровье в последнее время... У тебя и так уже проблемы в университете!

– Пап, только не начинай. Это здесь ни при чем. Слушай, уже шесть! Я в бассейн опоздаю.

Она мягко выдворила отца, закрыла за ним дверь, стянула и бросила пижаму на незаправленную кровать, надела: бюстгальтер, джинсы, кофту, – заколола волосы на затылке, сунулась к зеркалу, вздохнула, недовольная; вытащила из-под кровати спортивную сумку, бросила в нее купальник и хотела уже пойти за шампунем и полотенцем, когда ее посетила одна простая мысль. Его хотят убить.

Этого Джуда Леннокса, который ей приснился. Ей разрешили оставить свитер, сказав, что ему он уже без надобности. Разве что он отбывает куда-нибудь на жаркие курорты? Нет, на это нечего и рассчитывать! Они точно решили его прикончить. Или уже прикончили. С другой стороны, она и про Валерию так думала: гниет ее знакомая в какой-нибудь канаве, а на животе у нее пируют крысы – и разве она гниет? Нет, не гниет, а наоборот, бесплатно моет тарелки в «Чумном бараке». Может быть, к ведьмам, вообще, подходят с предубеждением, а они, в сущности, ценят жизнь, и всякая плоть для них священна? Но внутренний оппонент тут же осадил Софию: священной всякая плоть остается только до тех пор, пока не нанимается на федеральную службу. Раз он что-то вроде сыскного агента, они его ни за что не пощадят. Опять же с другой стороны... – ей-то не все ли равно? Он, кажется, предпочитает общество трупов – так, может, пускай себе и пополнит их равнодушный сонм, причастится тайны гроба?

И все же как она могла теперь вернуться к своим делам? Каким бы он ни был ненормальным, – но в их общем сновидении он хотел ей помочь, а она отправила его к этим плотоядным.

Девушка подхватила сумку, пообещала отцу быть не поздно и спустилась в лифте на первый этаж. Саския помахала ей рукой из машины. София тоже вскинула руку, пробежала несколько шагов, и забравшись в теплый салон, первым делом отправила сумку на заднее сиденье, а потом обняла подругу, с которой несколько дней не виделась.

– Мы, наверно, не поедem в бассейн, – осторожно предупредила она.

– Почему?! Тебя все-таки выгнали из университета?

– Не-а. У меня в гостях только что были четыре ведьмы. Помоему, они собрались кое-кого убить. Одного парня, с которым я... Ты знаешь, что такое «фантастикум»?

– София! – радостно поразилась Саския, трогая машину с места. – Еще на той неделе сохла по своему Клоду-Валентину, а нынче что я слышу: фантастикум, как ты выразилась, с другим мужчиной! А прикидывалась такой беденькой овечкой!

– Нет, ты не поняла!.. – запротестовала девушка, не довольная сладкой улыбкой на лице подруги.

– О да, детка, я все поняла! И я рада за тебя! Скажи лучше: если мы сегодня пропустим бассейн, нам продлят абонемент на другой месяц?

Несмотря на холодную погоду, у входа в клуб «Чумной барак» былолюдно: там смеялись, курили, склоняли колеблющихся женщин

ехать с ними, потом все-таки замерзали и уходили внутрь, но выходили новые лица, и сборище не убывало.

– Подъедем к заднему входу, – распорядилась София. – Так нас, может, не сразу увидят.

Они вышли из машины с другой стороны здания, где было темно и куда почти не доносился праздный уличный шум. София поднялась на крыльцо, покрутила ручку и выругалась. Нажала кнопку звонка. И пока ждала, что откроют, так и не подобрала приличной лжи в ответ на неминуемый вопрос: кто она и что ей надо. Дверь открыли.

– Да? – поинтересовался симпатичный молодой охранник.

– Э... – София показала пальцем внутрь и неуверенно посмотрела на юношу.

– Да, конечно, проходите! – он с готовностью посторонился, пропуская девушек. – Вы извините! Просто я работаю здесь первые сутки. Многих еще не знаю лично. И очень жаль! Нигде не видал столько красивых женщин, как в «Чумном бараке»! Я поэтому сразу понял, что вы тоже здесь в штате. Меня зовут Эверард.

– Ну, Эверард! Наперед знаю, что мы сработаемся! – заявила Саския, совершенно войдя в образ. – Неси свою вахту, дружок! А нам пора уже к плите: метеглин сам себя не сварит!

– Что такое «метеглин»? – шепотом спросила София, когда они отошли.

– Точно не знаю. Во всяком случае, мы пили его у подруги в те выходные. Не фантастикум, конечно... Ладно, куда теперь?

София приотворила дверь на кухню; просунув голову, огляделась.

– Валерия! – позвала она тихонько. – Пст! Ты нам нужна, на минуточку! Сейчас она выйдет. Привет. Это Саския, моя подруга, – сказала она, когда Валерия предстала перед ними в желтом клеенчатом фартуке, кепке, из-под которой ей на лоб выбилось несколько прядей, и желтых же резиновых перчатках, мокрых и больших; руки в этих перчатках она держала перед собой в воздухе, как хирург, готовящийся к операции.

– София, если увидят, что я с тобой говорю, то мне придется и туалеты мыть в придачу. Марина посчитала, что я на тебя дурно влияю. Что вы вообще здесь делаете?

– Слушай, они держат где-то человека по имени Джуд Леннокс. Его поймали на этом... на Верещатнике. У него еще нашли ловца магии... По-моему, его решили убить!

Валерия выслушала это внимательно, глядя куда-то в постороннюю точку; наконец, кивнула:

– Пока все верно излагаешь. Ты что-то хотела уточнить?

– Уточнить?! Да я хочу его спасти! И я хочу, чтобы ты мне помогла!

– А... ну, знаете... – девушка виновато улыбнулась и толкнула попой дверь, отступая назад в кухню. – Мне там еще котел надо отдраить.

София схватила ее за резиновое запястье.

– Будешь тереть котел, пока его режут? Вот уж, правда, ведьма! Эй, мы же не такие, как они! Если иступленные старухи, вроде Марины, хотят отворить ему кровь, это не значит, что мы должны безучастно следить. Подумай! Надо же когда-то порвать с этим сельским мракобесием! Мы ведь женщины, идеальная половина человечества, нам ли быть мясниками?

– София, ну что ты несешь... Это ты не такая, как мы. *Тебе* противно было лечь с Соломоном! Мы вообще тебе все противны! Ты считаешь, что мы развратные, злобные и, вероятно, не слишком умные твари. Да отпусти ты! С чего ты взяла, что нам нужно меняться? Да, ученостью мы не блещем; да, на чей-то вкус нечистоплотны. И все же сколько бы они ни жгли нас на кострах, мы не изменяли темному ремеслу, и оно охранило нас. Марина старше и мудрее нас с тобой, она не из кровожадности хочет убить твоего Леннокса. Раз уж на то пошло, он вообще должен был остаться там, на Верещатнике. Полина хотела закопать его живьем в пустом гробу. Ну, в Лорином гробу... Они выкопали ее труп, чтобы похоронить на ведьмовском кладбище, как полагается. А он был там, подглядывал. Его не закопали только потому, что нашли в его карманах фотографию Лоры и ловца магии. Марина и так уже продлила ему жизнь: это она решила, что он не умрет, пока не ответит на все вопросы.

– Валерия, но он хочет нам помочь! Какой же смысл его убивать?

– Какой смысл, ты хочешь знать? Я тебе скажу. Он спасает отнюдь не нас; он спасает загубленных собственной красотой истеричек, за которых нас принимает. Ты ведь знаешь, как ты хороша собой! Я знаю, что я хороша. Не в этом переднике, разумеется, не в этой кепке, – уточнила она специально для Саскии, устраняя почву для возможных сомнений. – Мужчины сцеплялись из-за меня с яростью каких-нибудь горностаев. Отмывала когда-нибудь кровь и костный мозг со стен своего дома? А мне доводилось! – девушка потрясла своими желтыми лапами у самого лица Софии, будто бы она только сейчас отмывала не грибной соус, а кровь и костный мозг. – Вот так на них действует наша красота. Ну разумеется, твой Леннокс хочет нас спасти. Не он первый. Но это лишь следствие его заблуждения. Он не знает пока, что мы ведьмы. Прежний поклонник, узнав меня ближе, бросался на меня с ножом, как до этого бросался на соперника под моими окнами. Даже твой слабоумный Клод-Валентин что-то почуял и принялся изгонять из тебя бесов. Твой отец

возненавидел твою мать, когда узнал, что она ведьма. Так что... пускай они его убьют, пока он не натравил на нас всех Рыцарей Круглого Стола. Соломон рассказывал, что охота на ведьм пятидесятих годов – это была кампания РКС. Так что Леннокс помогал нам по недоразумению; на самом деле, он должен нас преследовать.

София сникла. Ее ходатайство провалилось, как только спор о судьбе Леннокса зашел на языке целесообразности и логических построений, – ведь все доводы были за скорейшее убийство несчастного рыцаря, а против – только горячее возмущение девичьего сердца. Вообще, Софии не слишком хорошо удавались дискуссии с доказательствами и аргументами; оттого даже не сомневаясь, что права, она нередко проигрывала диспут. Но теперь... девушка внезапно приободрилась: кажется, она отыскала то единственное *contra*, которое сможет поколебать все их *pro*.

– Даже если все так, как ты говоришь... Убивать его все равно незачем! Давайте просто не скажем ему, кто мы такие. Отпустим восвояси, пускай и дальше помогает нам из неведения.

Валерия вздохнула, смиряясь, видимо, с тем, что мыгтя уборной ей не избежать.

– Если бы ты хоть чуточку слушала, что тебе говорят, мне бы не приходилось по сто раз объяснять тебе такие элементарные вещи. Волшебство липнет к людям как сифилис; с тех пор, как ты приснилась Ленноксу, вы повязаны. Так же, как он узнал про наши дела на Верещатнике, он рано или поздно узнает и все остальное. И ты, София, будешь его невольным осведомителем. Так что, на самом деле, или ты – или он. Но конечно, мы не станем жертвовать тобой. Сегодня в полночь Джуда Леннокса не станет... А может, и раньше... В конце концов, на ночь глядя набивать желудок вредно, хотя бы и ради такого дела...

– Желудок? Какого еще дела?.. Эй, ты же не хочешь сказать, что они собираются его... съесть? – сказала и сама же устыдилась нелепости своего предположения. Издала даже нервный смешок на конце фразы. Она уже готова чего угодно ждать от этих ведьм... Вот только Валерия все молчит – к чему бы?

– Видишь ли... – наконец произнесла та неуверенно. – Ну, меня лично от этого тоже тошнит, хотя они и говорят, что на вкус – все равно что бифштекс по-татарски... Да уж, я догадываюсь, как это звучит... Собственно, из молодых ведьм в этом почти никто не участвует. Не знаю... Марина пеняет на массовую культуру – говорит, что мы уходим от своих традиций. В общем, есть такой обряд... когда приходит особенно трудное время... нет, ты не подумай, что они съедят его целиком! Может быть, сердце. Ну, может быть, еще кое-что. По глоточку крови. Остальное пойдет на

амулеты и снадобья. Жилы, кости. Вы удивитесь, но в конце почти ничего и не остается! Ты что, тебе плохо, что ли? Хочешь, попить принесу? Я сейчас, ты только не...

– Валерия, ради всего святого! Скажи, где он?

– Вот еще! Тем более – ради всего святого. Это в твоих же интересах. Тебе многое сходило с рук до сих пор. Акива – так просто умилялась на твои выходки. Но если ты попытаешься сорвать обряд, то этого тебе не простят. Все, уходите. Саския, заведи ее отсюда, – Валерия с сомнением посмотрела на девушек, раздумывая, можно ли их так оставить, и наконец, скрылась за дверь.

– Интересно, – вымолвила Саския после продолжительного молчания, – у них есть хотя бы версии, почему их могут ненавидеть?

Девушки прошли мимо удивленного Эверарда, которому Саския сказала:

– Нынче у них тут неделя экспериментальной кухни. Так что кушать приноси из дома. А мы сюда больше – ни ногой!

Они вышли на воздух, постояли немного возле машины: София – хмурясь то ли на асфальт, то ли на свои ноги, а Саския, наоборот, – как будто прислушиваясь к черному небу. Впрочем, обеих мелко потряхивало.

В конце концов, изучение пространства около ног принесло свои плоды.

– Они все твердят, что мы с ним повязаны... – сказала София, по-прежнему глядя вниз. В своих мыслях она, конечно, уже продвинулась вперед от этой начальной логической вехи, но дальнейшая цепочка казалась ей непрочной, зыбкой и заканчивалась не столько выводом, сколько неверным предчувствием, поэтому девушке хотелось, чтобы Саския последила за ее размышлениями с самого начала, удостоверяя на каждом шагу надежность конструкции. – После того, как мы с ним... ну...

– Ага, я помню: фантастиком, – помогла ей подруга.

– Я должна его чувствовать... Без всякого компаса. На мне должно сказываться то, что происходит с ним. Знаешь – типа того, как люди испытывают на себе влияние планет. Например, медики смотрят на Сатурн и по его положению определяют состояние селезенки и мочевого пузыря. А я предлагаю сделать обратное: по состоянию этих органов определить положение Сатурна! Нам надо только вычислить, что такого особенного происходит со мной, что могло бы нас вывести на этого парня.

– Ну, наверное, это где-то логично. Но София! Когда мы его найдем, тебе лучше избегать метафор, в которых он – звезда, а ты – мочевого пузырь. Ладно, а какой отрезок времени нас интересует?

– Поймали его этой ночью. Около часа, по-моему. Потом доставили туда, куда доставили – значит, с этого времени и до

настоящего момента все странности, случившиеся со мной, можно отнести на счет этого рыцаря.

– И какие же это странности?

София скрестила руки на груди, нахмурилась по-новой, припоминая, были ли, в самом деле, какие-нибудь странности.

– Ну вот, мои волосы хотя бы! С самого утра не могу их уложить, торчат копной, да и только! Что бы это значило?

– Хм. Я это ни к чему не веду, но помнишь, ты мне показывала свои летние фотографии из Альмерии? У тебя там точно такая же прическа.

– О, ты, правда, считаешь, что он сейчас в Альмерии? Нам ни за что не поспеть к полуночи! Или постой: сколько у нас разница по времени?

– София, я же нарочно предупредила, что я ничего не считаю! Мне просто пришло в голову...

– Нет, нет, ты права! В Альмерии влажно, и жарко, и душно... и... и волосы от этого все время... – девушка помахала руками у себя над головой, изображая небольшой хаос вроде спутанной вязальной проволоки. – Может быть, Леннокс как раз в таком месте, где жарко и влажно... и... в городской оранжерее! Или в бане!

– Может, попробуешь вспомнить еще что-нибудь? – предложила Саския.

– Еще я опоздала на занятия, потому что мне показалось, будто я не выключила огонь на плите, и пришлось вернуться, но конечно же, я все выключила. А первой как раз была лекция того профессора, от которого меня тогда стошнило. Так досадно! А потом, в кафетерии я взяла салат с курицей, только на вкус она была как утка. Я даже дала подруге попробовать, но ей так не показалось. А еще вот что. Пришла домой – вообще никакая после этого семинара, ничего делать неохота, просто легла на диване и воткнулась в телевизор. Показывали «Менестрель-головорез 2». Вот казалось бы: из двух частей которая лучше?

– Первая, конечно! – с жаром отозвалась Саския, будто самый вопрос ее подруги уже был покушением на некие священные принципы. – Во второй части просто спецэффектов больше, а идеи-то никакой нет! А если и есть, то она ничем не отличается от идеи первой части: что не надо доводить человека искусства.

– Знаю, знаю! – прервала ее София. – Обычно, я бы и сама привела все эти аргументы, но только сегодня я посмотрела вторую часть, и она мне понравилась больше. Может быть, я стала такая поверхностная. Может быть, мне только и надо, чтобы побольше спецэффектов. Вот эта сцена, где он сидит на бочке с порохом и играет на дудочке, а потом замок взрывается, и никто не успевает выйти... Прямо до слез...

– Ой, – Саския вдруг схватила подругу за руки. – Я, по-моему, знаю, где искать твоего рыцаря! Его держат в котельной Тиверского замка!

– Руина на озере? – настороженно уточнила София.

– Вот именно! В войну там жил один оригинальный герцог, и когда Серебряные Шлемы заняли город, он пригласил их разместиться в своем замке, а потом как раз взорвал его вместе с собой. Так Тивер и стал Руиной на озере.

– Саския, только не обижайся... Но откуда тебе знать такие вещи?

– А вот и обижусь! Что, раз я не учусь, как ты, в университете, то мне и не полагается ничего знать? Впрочем, ладно, ты права. О Тиверском замке, очевидно, написано во всех путеводителях для туристов, которых мне – надеюсь, в этом ты не будешь сомневаться? – регулярно доводится подвозить. Того герцога сначала не одобрили: мол, сотрудничает с оккупантами, – а после того, как он их всех... Вообще-то, его и потом не слишком одобряли: он до войны водил в свой замок мальчиков, к которым питал нехорошую нежность. Патриот и педофил – вот почему я сказала, что он был оригинальным герцогом. Говорят, на Руине показывается его привидение.

София с унынием подумала, что с тех пор, как она стала ведьмой, ее под разными предлогами преследуют всевозможные человеческие уродства: у одних нехорошая нежность к мальчикам, у других – к мертвым девушкам, у третьих – в высшей степени неприятная слабость к поеданию федеральных рыцарей. Одна Саския у нее – светлый лучик: и умная, и добрая, и готовая ради нее на любые... А интересно, почему? Знакомы они меньше двух месяцев, но Саския так шла за нею во все ведьминские логова, будто нет у нее человека дороже, чем София. Не может быть, чтобы здесь не было той или иной корысти. Кажется, она и заинтересовалась Софией потому только, что сразу угадала в ней ведьму. Хочет, что ли, проникнуть в какие-то их тайны? Или ее собственная жизнь так тошнотворно однообразна, что без Софии ей как бы и жить незачем?

Девушка заметила на себе недоуменный взгляд Саскии и раскаялась. Как могла она допустить такие мысли против подруги? Нельзя, нельзя становиться мнительной только потому, что она часто разочаровывалась, обнаруживая за роскошной драпировкой смердящие язвы. Наивность, как бы дорого она ни обходилась, стоит беречь хотя бы из экологических соображений, как озоновый слой: чтобы не пропускала разнообразную дрянь, которая обитает во внешней черноте.

– Саския, я люблю тебя, – сказала София.

– Ну уж нет! – неожиданно возразила Саския. – Перед смертью люди всегда начинают говорить друг другу приятные вещи – вроде

«Для меня была честь служить с вами», или «Ты был отличным другом», или «Ну что ж, мы славно покутили напоследок»... К черту нежности! Поехали разберемся с твоими зажавшимися ведьмами в стиле менестреля-головореза! Только чур, из первой части: никакого самопожертвования!

– Посуди сама, – продолжала объяснять Саския, когда машина уже мчала к выезду из города. – Жара и влажный воздух плюс огонь, который, как тебе показалось, горел на кухне, – равняется котельная. Там жарко, влажно и горит огонь. Потом в курином салате тебе померещилась утка. В Тиверском озере как раз плавают утки – даже сейчас, когда уже холодно; потому что из-за этой котельной там не замерзает вода – то ли дело в теплом конденсате, то ли они сливают горячую воду обратно в озеро... А самое главное, ты вдруг предпочла вторую часть «Менестреля»! Это несомненное наваждение; пошленькая сцена со взрывом замка – явный намек на Руину на озере. Все сходится!

София пожала плечами.

– Была еще одна странность, о которой я тебе не рассказала. Интересно, как она впишется в твою теорию. Папа вчера наточил все ножи в доме, а сегодня я резала хлеб, и знаешь ли? – ножи были тупые!

Саския тоже пожала плечами, но ничего не ответила. Во всяком случае, не сразу.

– При всем уважении к твоему отцу – может быть, он просто плохо их наточил? Он же медик, ученый – у них часто руки не оттуда растут. Моя сестра даже дверную ручку привинтить не сумеет.

– Бритва Оккама, – задумчиво согласилась София.

Саския, не поворачивая головы, только шевельнула глазом, потом сказала:

– Ножи, бритвы... Это на все распространяется.

София сделала вывод, что в путеводителях для туристов все-таки большее внимание уделялось истории родного края, нежели средневековой логике; но Саския, не читавшая трудов Оккама, как видно, и сама считала, что сущности не следует умножать без причин, то есть, верным она признавала то объяснение, которое было проще. Тем не менее, тупые кухонные ножи всю дорогу не давали Софии покоя.

Они выехали за город, постепенно машин стало меньше; слева, на приличном удалении от дороги пронеслось мимо скопление уютных огоньков, обозначавших деревню. По правую сторону начался лес, сначала густой, потом все реже и реже, так что сквозь деревья стало видно, как блестит, отражая вечернее небо, большое озеро.

– Это оно, – кивнула Саския, сворачивая с трассы.

Девушки оставили машину на краю леса, дальше пошли пешком.

– Замок одно время собирались восстановить из-за архитектурной ценности, и городской совет даже изыскал средства, но каким-то образом... наверно, под действием потусторонних сил... те деньги исчезли. Так что смотреть там особо и не на что; экскурсионный автобус просто проезжает мимо. К услугам самых любознательных остается мое такси. Но и эти обычно покормят уток, нацарапают инициалы где-нибудь повыше и уедут. Так, – Саския остановилась. – Можно пойти по мосту, а можно обойти сзади: там ров более или менее завален. Если идти через двор, нас могут заметить, а если идти сзади, то через пролом в стене сразу попадем в замок, но скорее всего, промочим ноги.

– Пускай промочим, – сказала София. – Потом поедем ко мне, я тебя напою горячим какао.

Девушки пошли вдоль озера, которое с другой стороны замка оказалось засыпано землей вперемешку с обломками стены; со времени достопамятного взрыва насыпь поросла куманикой, жимолостью и снежноягодником, а разлом в стене частично заслоняли ольшаник да несколько молодых ив. Как и предсказывала Саския, ноги то и дело соскальзывали в мелкие впадины, в которых стояла ледяная жижа. Да еще девушки нацепляли на себя мокрой паутины с веток, пока пробирались, и София поцарапала лоб.

Отряхиваясь и чихая, они вступили в разрушенную галерею.

– Нам туда, – показала Саския налево, осмотревшись.

Они миновали череду помещений, прежнее назначение которых было теперь неизвестно, потом Саския еще раз свернула налево, и девушки попали на лестницу, ведущую вниз. Здесь стало теплее. Свет сумеречного неба почти не достигал сюда, и какое-то время они спускались в темноте, нащупывая пыльные шероховатости невидимой стены; наконец, на каменную кладку легли смутные рыжеватые блики, мрак сделался чуть ли не уютным, а следом и вовсе рассеялся: девушки оказались на площадке, озаренной спокойным пламенем масляного фонаря.

– Вот видишь! – прошептала Саския, которая до этих пор и сама, похоже, не вполне была уверена, что привела Софию куда надо.

Перед ними была запертая железная дверь, покрытая неразборчивым граффити.

– Слушай, тут даже замка нет! – сказала София. – Наверняка, она открывается каким-нибудь заклинанием.

Саския вынула фонарь из ниши в стене и поднесла его к двери, чтобы убедиться в отсутствии замочной скважины или какого-нибудь аналогичного устройства. Действительно, ничего. Зато девушки

одновременно увидели, как блестит краска из аэрозольного баллончика, которым была сделана одна из надписей на двери.

– Смотри, еще свежая! – София коснулась жирной линии, и краска осталась на ее пальцах. – Последняя надпись сделана прямо поверх множества старых: похоже, тут несколько слоев одного и того же слова, поэтому ничего и разобрать нельзя. Когда эта высохнет, то просто сольется с остальными.

Саския поводила фонарем, чтобы по форме бликов различить очертания букв.

– Тут, кажется, написано «Сезам». Надо достать баллончик и написать «Сезам»! – тогда дверь откроется!

– Я тоже так думаю, только где же мы теперь достанем баллончик?

– На самом деле, сударыни, – раздался за их спинами хриплый мужской голос, – подойдет даже угольная сажа. Или косметический карандаш. Писать можно чем угодно. Хотя бы и кровью.

На самой нижней ступеньке сидел седоволосый мужчина в элегантном, но весьма старомодном костюме, вдобавок еще и запачканном грязью. Незнакомец улыбнулся и посмотрел на девушек через лорнет, из которого были выдавлены стекла.

– Вы кто? – потребовала Саския, закрываясь фонарем.

– Вы не ошибетесь, милые особы, если будете называть меня Одиерно, – он поднялся и с комической учтивостью отвесил поклон.

– Это он, – оторопело прошептала Саския. – Герцог Тиверский, герой-подрывник и растлитель школьников.

Одиерно меланхолично фыркнул и убрал лорнет в карман пиджака.

– Уходите, – сказала София. – Я ведьма, поэтому если не ищите неприятностей, уходите.

– Только если вы настаиваете! Но быть может, вы бы не стали меня прогонять, если б я, скажем, вызвался помочь?

– Вы мерзкий извращенец! – яростно зашептала София, остерегаясь повышать голос. – То, что вы делали, – отвратительно! Нам не нужна ваша помощь!

Тонкие губы его капризно искривились.

– Ах, можно подумать! – сказал он с легким смешком. – Вероятно, леди – образец ветхозаветной непорочности? С чего такая воинственная нетерпимость? Знаете ли, я все положительнее нахожу, что прощение – это добродетель грешников. Праведники при моем появлении зажимают нос и осеняют себя крестом. Слишком уж это невеликодушная публика. Кажется, только мерзкие извращенцы и способны извинить чужую слабость. А главное, я ведь не отпираюсь: я, несомненно, урод, но я был счастлив на свой лад и ни о чем не

жалею. Что же, стало быть, вы решительно отказываетесь от моей помощи?

Девушки переглянулись.

– Да вы хотя бы знаете, для чего мы здесь?

– А как же иначе? Ива и ольха мне все рассказали. Вы ведь не проскользнули незамеченными, – он подал Софии белый платок и глазами показал на ее кровоточащий лоб. – Вы колеблетесь, я вижу. Принимать ли помощь от существа, чей нравственный авторитет для вас, в некоторой степени, скомпрометирован? Но поймите: нравственность моя здесь ни при чем. Я хочу вам помочь единственно из корысти: это, надеюсь, поручитель более надежный, чем какая-то эфемерная нравственность? Итак? Верите ли, что я, по крайней мере, корыстен?

– И в чем же корысть? – прищурилась София.

– Пытливый ум, живой взгляд! – Одиерно всплеснул руками, показывая на лице вдохновение, вроде фаустовского. – *Simulacrum sum*. Я – призрак, тень. Душа, не достойная рая, но временно избежавшая геенны. Засчитали-таки мой пиротехнический подвиг. Словом, я покамест пребываю в чистилище. Суть этого учреждения в том, что тебе дается дополнительный срок, в который ты можешь преумножить на земле добродетель. Если тебе это удастся, обретешь рай. Если нет, будешь ввергнут в кипящую клоаку. Вот такие перспективы! Вот о какой корысти я говорил!

– Ну и спасли бы сами нашего рыцаря! – возразила Саския.

– Вам, девушки, за юностью лет не доводилось, наверно, обдумывать своеобразие жизни после гроба? Я бы сказал, что своеобразие жизни после гроба состоит в том, что ты уже не сомневаешься в ее реальности. Человек живой, *homo vivus*, не знает о неизбежности воздаяния. Оттого люди и грешат. Я бы не задушил щенка, которого мне подарили в двенадцать лет, если б знал, что этот щенок будет присяжным на моем суде. Незнание здесь является условием свободы выбора. Те, кто по своей воле выбирает добродетель, удастаиваются неба. По своей воле – то есть, не зная о награде, не страшись наказания. Но я – тень, я узнал цену греха и уже не могу *свободно выбрать* добродетель, потому что грубо *заинтересован* в ней.

– Короче, пожалуйста, – строго сказала София.

– Пожалуйста, моя дорогая: призрак или симулякр – это тот, у кого отняли возможность выбирать. По законам чистилища решения за симулякров принимают другие. Примут ли меня в рай – зависит, стало быть, исключительно от настроений общественности. Мною распоряжаются любые гости замка. Ведьмы, туристы, бродяги. Если меня призовут в соучастники преступления, я не смогу отказать. Впрочем, такого до сих пор не было, но мой срок идет, а я ничуть не

сделал этот мир лучше. Забавно, не так ли? Мой психиатр был того мнения, что я одержим жаждой власти, – детьми, и правда, легко повелевать, если есть коробка леденцов или печенья, – а нынче поглядите: я даже сам себе не указ!

Софии, между тем, это не показалось особенно забавным.

– И чем же, например, вы могли бы нам помочь?

– О мудрое дитя! – Одиерно тотчас отвесил ей новый живописнейший поклон, и даже какое-то время не поднимал седой головы, изобличая приверженность классическим манерам.

– Не паясничайте, – поморщилась девушка. – И не вздумайте, будто я вам сочувствую. Просто... – фразы она так и не закончила, лишь досадливо махнула рукой в сторону Одиерно.

Симулякр распрямился и засунул руку в туго набитый карман брюк. Порывшись, он вытащил кусок угля, который и продемонстрировал девушкам на перепачканной ладони. Затем он подошел к двери и, высекая угольную крошку, начертил слово «Сезам». Отошел в сторону, имея при этом вид верноподданнического смирения. Дверь на удивление бесшумно отворилась.

– Прошу.

Девушки вошли во влажный и горячий сумрак, в котором сразу стало тяжело дышать. Одиерно затворил за ними дверь и, протиснувшись вперед, повел по узкому проходу.

– Не обожгитесь, – предупредил он, имея в виду горячие трубы слева. – У, как гудят!

– Кто же за всем этим следит? – спросила Саския.

– Кто же, кроме меня, будет следить? Ваш покорный слуга состоит при ведьмах истопником. Не худшее употребление, которое мне сумели подыскать. Марина – знаете такую? – велела, чтобы в уцелевшие комнаты подавалась горячая вода. Они проводят там иногда свои вечеринки. Ну, а это, я полагаю, искомый рыцарь.

Джуд Леннокс сидел привязанный к стулу, голый, в одних спортивных трусах, и весь мокрый от пота, отчего плечи его и колени сверкали при свете натканых тут и там свечей, дававших нервное трескучее пламя, и было неясно, жив он вообще или нет, потому что голова его лежала неподвижно, опрокинутая на грудь. София села на корточки, желая снизу посмотреть на его лицо, занавешенное мокрыми волосами; она увидела приоткрытый рот с отвисшей нижней губой и незрячие полуоткрытые глаза: мертв. Или в глубоком обмороке. Девушке подумалось о каком-то смятом надувном изделии, из которого вышла часть воздуха.

– Он жив, – произнес Одиерно. – Все же видно, как дышит. Минутку.

Он запустил руку за пазуху и извлек оттуда складной нож. Раскрыв лезвие и заманчиво улыбнувшись девушкам, зашел Ленноксу за спину.

– Я, вообще, не выношу вида крови. Ножи поэтому нарочно сохраняю тупыми – чтоб часом не обрезать палец. Плохо то, что и веревки таким ножом сразу не обрежешь.

Он с бешеным усердием принялся пилить навязанные ведьмами путы. Саския поставила фонарь у босых ног рыцаря и осторожно похлопала его по щекам.

– Ну это хотя бы точно он? Твой фантастикум?

– Не знаю. Вроде он. Раньше выглядел лучше.

Одиерно, меж тем, кончил пилить и с довольным видом распрямился, держа в руках похожие на спагетти обрывки бечевы. На секунду Софии показалось, что тело Леннокса заваливается набок, надо подхватить, остановить, но она тут же отпрянула, потому что стул, вдруг вылетев из-под рыцаря, описал перед ней свистящую дугу и с треском рассыпался об симулякра. Старик со стоном упал, нож звякнул об пол, и вот очнувшийся от мнимого обморока Джуд Леннокс уже держит лезвие у глаза Одиерно, а коленом пережимает ему горло. Красные глаза смотрят прямо на Софию.

– Я всажу ему нож до самого мозга, – произнес Леннокс. – Ты... ты одна из них... ты выведешь меня отсю... – он покачнулся вдруг и мог бы, пожалуй, проткнуть Одиерно глаз, но клинок выпал из ослабшей руки. Он рискнул встать, зашатался, задел плечом раскаленный чугун котла и, взыв, снова сел на пол. Осторожно коснулся волос над ухом, которые, как только сейчас заметила София, слиплись у него от крови. Потом снова посмотрел на нее.

– Так и быть, я отпускаю заложника. Надеюсь... на ответное благородство.

Отряхиваясь, Одиерно поднялся и убрал свой нож. Кожа на его белом лбу была рассечена в одном месте осколком стула, но по видимости, происшествие скорее удивило его, чем испугало.

– Приткий субъект. Но у него сотрясение мозга. Может быть, инфекция раны. Да еще эта жара. Будем надеяться, он не потеряет сознание и не придется, по крайней мере, тащить его на себе.

София снова села на корточки возле рыцаря.

– Вы правы: я, действительно, одна из них, но я не заодно с ними. Меня зовут София, а вы, кажется, Джуд Леннокс?

– Кажется, да, – он поморщился. – И в последнее время это доставляет мне серьезные неудобства. Мы уже встречались?

– Кажется, встречались, – в тон ему ответила девушка. – Вставайте, нам нужно скорее уходить.

Уцепившись за Софию, он поднялся, потом выпустил ее руку; постоял, привыкая.

– Прошу прощения, сударь, за то, что ударил вас стулом. Прошедшие сутки плохо сказались на моем суждении.

– Да, нелюбезно, – согласился Одиерно. – Впрочем, что такое удар стулом против взрыва десяти бочек тринитротолуола?! Вот тогда была встряска! Ладно, идемте. Я подышу вам одежду.

Из-за узости прохода им пришлось растянуться в целую процессию: впереди шел симулякр, то и дело одалживая рыцарю свое плечо, в середине – София, Саския в арьергарде. Джуд Леннокс, между тем, еще раз приложился к горячей трубе.

– А я сегодня тоже плойкой обожглась, – сказала Саския.

На лестнице, оказавшись опять темноте, они вдруг услышали голоса. Так сбылось худшее опасение Софии: по ту сторону рыжеватого сумрака им навстречу спускались ведьмы. Девушке показалось, что один из голосов звучал сегодня в ее прихожей:

– ...но «Лолита в стране чудес» все равно остается его лучшим произведением! Так удивительно написать о той силе, которую молоденькие девочки часто не чувят за собой совершенно! Если б только ведьмы...

– За мной! – шепнул Одиерно и, подхватив Леннокса, устремился наверх; София никак не ожидала, что побегут они ведьмам навстречу, а не прочь от них. Что ж он – решил, что ли, по образцу каких-то отпетых варваров вторгнуться в их ряды, как бывало, когда строй сшибался со строем под хриплые крики воронья? Ничего не соображая от ужаса, она схватила Саскию за руку и повлекла за собой. Тут же они налетели на голую спину рыцаря. Почему замешкались? Раздался скрежет, на Софию дохнуло холодной сыростью, потом ее сильно толкнули в бок, и она полетела на пол. Снова скрежет, затем тьма стала совершенной.

– Тихо, тихо, это я! – зашептал Одиерно, когда она дернулась от его прикосновения. – Подымайтесь, барышня. Мы в потайном проходе. В моем замке, я думаю, рекордное количество, потайных проходов. Когда занимаешься чем-нибудь непозволительным, то естественным образом становишься параноиком. У меня даже из потайных проходов ведут другие потайные проходы.

– Значит, обошлось? – робко спросила София.

– От ведьм нас отделяет теперь стена. Если только они случайно не нажмут на заветный камень...

До девушки донеслись глухие отзвуки голосов. Слов было не разобрать, но судя по тону, говорили уже не о литературе и не о чудесной силе молоденьких девочек. Хотя все участники побега выдержали образцовое молчание во время спасительного маршброска, ведьмы, несомненно, слышали шорохи и топот – и уж точно они слышали скрежет спрятанных в стене механизмов. А значит, прямо сейчас выдаются распоряжения относительно их поимки.

– Идемте, – велел Одиерно. – Ведьмы об этих проходах не знают. Собственно, никто не знает: архитекторов, проектировавших мой замок, я казнил, строителей тоже казнил, а те, кто побывал тут до вас, наружу так и не вернулись – поэтому не удивляйтесь, если захрустит под ногами.

– А где рыцарь? Мы его не оставили, по крайней мере, там, за стеной?

– Чепуха! Я втащил его первым делом. Ну так и есть! Он все-таки отключился! Помогите мне!

– Нет, я... – запротестовал Джуд Леннокс, но больше ничего не сказал.

Какое-то время они волокли его на себе. Каждый новый шаг София делала с отвратительным предчувствием того, что непременно угодит ногой в чей-нибудь гниющий каркас. Потом Одиерно сказал, что забежит вперед зажечь свет, и скоро перед девушками забрезжила маленькая комнатка, по которой скакала длинная черная тень: должно быть, симулякр совершал ту судорожную уборку, которая всегда предшествует появлению женщины в неподготовленном мужском жилище.

– Кладите его сюда, – он указал на облезший и выцветший диван, некогда относившийся, наверняка, к дорогостоящему гарнитуру.

Кроме дивана в этом склепе стояла еще бочка, на которой черной краской были выведены через трафарет три буквы: T, N и T, – а на бочке лежали несколько книг в еще довоенных переплетах. Имелся также табурет: на нем оплывала толстая сальная свеча, а под ним, если Софию не подвело зрение, валялась единственная подвижная кость в человеческом черепе, то есть, нижняя челюсть, в которой не доставало тех или иных зубов.

Одиерно тем временем вынул из кармана крошечную скляницу, открыл ее и сунул под нос бесчувственному рыцарю. Тот встрепенулся и открыл глаза.

– Мы?... Они?..

– Мы тут, а они там. Примерьте-ка вот это, милостивый государь, да поживее, – из пыльной кучи тряпья, занимавшей целый угол комнаты, на диван полетели старые полуистлевшие платья. Сначала Леннокс пробовал выбирать: то ли это надеть, то ли другое, – но чувствуя равное отвращение и к тому, и к другому, он, наконец, смирился и трясущимися руками стал напяливать серую военную форму, какую Серебряные Шлемы носили в последнюю войну.

– Сколько я вас, голуби, утащил с собой на тот свет! – сентиментально вздохнул Одиерно, застегивая ему воротничок кителя. – Вот пожалуйста сапоги, господин оккупант, и шинель для

довершения туалета. Шинель, правда, союзническая – не взыщите за эклектизм.

София залюбовалась. Пускай форма была вражеской и изношенной, но Ленноксу определенно шла ее строгая элегантность; он сидел, кутаясь в старое сукно, такой отрешенно-грустный, кажется, забыв о том, что у него разбит висок и залиты кровью ухо и край небритой щеки. О чем думал он? Об убитых ли товарищах, о письмах ли из дома – или о рвущихся артснарядах, об оставленных позади обозах? София вдруг обнаружила, что ее ужасно привлекают раненые и усталые мужчины. Надо будет как следует о нем позаботиться, когда выберемся, подумала она. *Выходить* его. Впрочем, она скоро вспомнила, что живые девушки его мало интересуют, и восприняла это как обиду.

– А это что у нас, бочка тротила посреди комнаты? – спросил рыцарь.

– Гораздо ценнее – то, что под ней, – ответил Одиерно и с усилием отодвинул ее к стене. Сперва София заметила лишь темный круг на полу, возникший на том месте, где только что стояла бочка и где поверхность была свободна от пыли; девушка вспомнила, как отец показывал ей круги примятой травы на лужайке за их старым домом, про которые он говорил, что такие следы оставляют ночные хороводы эльфов. Но Одиерно интересовал не круг, а квадрат, то есть, крышка люка, которую София увидела не раньше, чем симулякр откинул ее навзничь, потянув за кольцо.

– Сейчас вы спуститесь по этой лестнице в проход, ведущей к реке.

– А вы останетесь?

– Нет, вы дадите мне ключи от машины, на которой приехали, и я отгоню ее к мосту. Там мы и встретимся. Итак, ключи? – он посмотрел на Софию, потом на Саскию, потом опять на Софию.

– Слушайте, – Саския сунула руку в карман, но вынимать ее с ключами не торопилась. – Да ведь в ваше время машины были на паровом ходу и на электричестве! Вы уверены, что управитесь с нынешним автомобилем? Я уж не спрашиваю, есть ли у вас водительские права.

– Прав нет, каюсь. Но я ведь предоставлен сам себе по большей части, у меня было время в совершенстве освоить массу различных умений. Разучил эсперанто, игру на лютне, разбираюсь в национальных кухнях и литературах и уж, конечно, за полвека научился водить любые автомобили – легковые, грузовые, гоночные. Раньше, когда на соседней трассе бывала авария, старики говорили, что это дух замка обкатывает новую модель. Завели даже трогательное суеверие бросать в мое озеро свечи зажигания –

задабривали, что ли, кто их разберет. Темный народишко! Ну же, ключи!

Что до Софии, то она не поняла, каким образом это местное язычество свидетельствует за Одиерно, но Саскии, очевидно, других рекомендаций не требовалось: она протянула руку и положила ключи на ладонь симулякру; София не стала огорчать подругу своими сомнениями.

– Мой браслет потерялся... – пробормотал Леннокс, ощупывая запястье. – И подвеска этой девочки... Они все забрали.

– Ловец магии, а не подвеска, – поправила София. – Ваши амулеты вам все равно не очень хорошо служили, так что не переживайте. Вы сможете спуститься?

Видно, его и самого занимал этот вопрос; он поднялся с дивана, переждал небольшое головокружение и подошел к отверстию в полу. С помощью Одиерно поставил ногу на перекладину, потом другую, потом уцепился руками и стал потихоньку спускаться, пока его не скрыло с головой. Затем призрак помог спуститься Саскии и Софии, которой отдал свою зажигалку.

– Идите на шум воды, – крикнул им Одиерно, когда все трое стояли внизу, задрвав головы к прямоугольнику света. – И не бойтесь летучих мышей.

После этого он захлопнул люк, и было слышно, как он сдвигает бочку на прежнее место. В наступившей темноте София не сразу вспомнила про зажигалку. Чиркнул кремьень, фитиль вспыхнул, и девушка с гордостью Прометея понесла вперед крохотное пламя.

По дну тоннеля, в котором они оказались, бежал ручеек: девушки старались ступать по сухому краю, а рыцарь в своих трофейных сапогах шлепал прямо по воде. Воздух здесь был затхлый, но не скверный, как в канализации, так что София могла не экономить на дыхании, а иногда сквозняк доносил до них свежие запахи реки.

– Так кто же вы такие? – спросил, наконец, Леннокс, и София была рада его голосу, как была бы рада, наверно, любому звуку помимо шелеста маленьких крыльев и пищания, что доносились сверху.

– Кто мы такие? – девушка вспомнила, как Валерия заклинала не говорить ему, но сейчас Софии было не до политики: ей не хотелось морочить человека, с которым она вместе брела в темноте. – Ну если честно, то мы – ведьмы.

Рыцарь на это ответил неясным звуком, то ли гласным, то ли согласным; он дико посмотрел на Софию, потом повернулся к Саскии: «И вы тоже?» – но та лишь покачала головой: «Нет, только она».

– Вообще-то, – заоправдывалась девушка, – и меня-то нельзя назвать ведьмой. Недоведьмой, в лучшем случае. Но вот те, с кем вы познакомились на Верещатнике, – эти самые что ни на есть натуральные ведьмы. Шлюхи дьявола, по выражению одного теоретика. Хотя нет, он скорее был практик.

– Ведьмы? – переспросил Леннокс. – Это те, которые летают на помеле, что ли? Со штаб-квартирой на Лысой горе? Эти ведьмы? Которые высасывают младенцам мозги?

– Вы тоже смотрели эту передачу, да? – подхватила Саския. – Но София у нас не такая. Она мало чего умеет, зато у нее строгие правила: не есть рыцарей самой и не давать другим.

– А у них был такой план?

– Я думаю, до сих пор есть – на случай если нас поймают.

Какое-то время прошло в молчании, когда был слышен только шорох летучих мышей и плеск воды, да еще звонкое эхо.

– И почему ведьмы умирают? – задал Леннокс новый вопрос.

София, как могла, объяснила про медиаторов и про гибель Соломона Лу и про то, как ведьмы лишились без него опеки князя преисподней и поэтому умирают. В свою очередь девушка спросила, зачем Ленноксу было спать в номере, где молодая ведьма по имени Лора покончила с собой.

– Э... Я, собственно, нечаянно. Просто не выспался накануне. В свою защиту могу сказать, что следствию это принесло первостепенную пользу! Постойте! Ну-ка... – он остановился и растерянно поглядел на девушку. – Да ведь это были вы. В моем сне, не правда ли? Я не запомнил лица, но запомнил эту вашу длинную челку и... и другие аспекты...

– А разве это дошло до вас только сейчас? Ну, при вашей травме, может быть... Да, я вам еще свитер такой красный связала, помните?

– Его тоже забрали! – воскликнул Леннокс.

При свете уютного огонька они не заметили, как тьма в тоннеле стала прозрачнее. Когда налетевший ветер задул пламя, София не стала зажигать по-новой: в синеватом сумраке им было теперь видно друг друга, выход был совсем близко.

Наконец, они выбрались в студёные сумерки и, оглядевшись, побрели вдоль неопрятной серой речки через заросли ольхи и осин. София остро ощутила сейчас, что теплых дней уже не будет, что впереди только нескончаемая череда холодов и ненастий, и придется стыннуть по утрам на остановках, а вечерами сидеть дома, вперяясь то в камин, то в телевизор, и ей стало так нестерпимо тоскливо, что она ничуть не сомневалась, что умрет, не вынеся зимы.

Иначе свежий воздух подействовал на Джуда Леннокса. У рыцаря, наоборот, прояснился взор, он перестал запинаться и,

кажется, со вкусом дробил каблуками подмерзшие лужицы. Даже обменялся с Саскией парой принужденных острот насчет достоинств загородной жизни. Неровен час, начнет заигрывать, подумала София.

Леннокс, Джуд. Рыцарь, стало быть, Круглого Стола. Вообще-то, он не совсем отвечал вкусам юной неведьмы. Ей нравились тонкие, аристократические лица – со взглядом, отравленным тщеславием и изысканными наслаждениями. Этот был, конечно, попроще: симпатичный недавний мальчишка; черты лица, пожалуй, даже грубоваты – за вычетом выразительных серых глаз, заставлявших Софию сладко нервничать. В целом, девушка осталась довольна, что спасла его.

Они по насыпи поднялись на мост, но машины еще не было.

– Что же он так долго? – негодовала Саския, скорее сокрушаясь о своем такси, чем об их безопасности.

– Ждем еще пять минут, а потом выбираемся к трассе и ловим попутку, – сказал Леннокс.

– Никаких попуток. Мы уедем отсюда так же, как и приехали – на моем... – девушка не договорила, потому что вдали показались фары, их качающийся свет приближался и нарастал, облекаясь моторным гулом, и скоро на мосту взошла слепящая заря, от которой пришлось заслонить глаза руками.

– Почему так долго? – Саския первой пошла к остановившейся машине и опять-таки замерла на полпути. Двери открылись, на дорогу вышли четыре темных силуэта.

– София Верна! – раздался Маринин голос. – Ты предала нас. С сегодняшнего дня ты лишаешься всякой нашей поддержки. Больше никаких сношений между нами не будет. Я предлагаю тебе последнюю сделку: отдай нам рыцаря по-хорошему, и мы позволим уйти тебе и твоей подруге. Если воспротивишься, то ваши трупы найдут ниже по течению. Что ты ответишь?

– Что мне ответить? – тихонько спросила она Леннокса.

– Сначала, я думаю, на меня нападут только двое. Остальные займутся вами. Если у меня получится, то я всех отвлеку на себя. Тогда вы проберитесь к машине, и вы, Саския, отключите фары, а когда я подам сигнал – снова их включите.

– Какой еще сигнал?

– Я крикну: включайте! Усвоили? Да, и не забывайте визжать поистеричней – по крайней мере, пока не окажетесь в машине.

– Зачем?

– Психологическая война, – загадочно молвил рыцарь и постучал себя пальцем по лбу. София с сомнением покачала головой: ей слишком живо представились завтрашние заголовки в газетах: «Кровавая бойня на тиверском мосту»; про психологическую войну там не было ни слова.

– Так что ты решила, дочь Джульетты? – потребовала опять ведьма.

Девушка сделала шаг вперед и, обмирая от страха, показала Марине непристойный жест. В то же мгновение четыре тени двинулись на них, как зловещее воплощение рока; в свете фар заблестали обнаженные клинки. Видя, что одна из ведьм направляется к ней, София закричала – и даже не по наущению Леннокса, а по велению собственного сердца. Она совсем было собралась сбежать – малодушное, но может быть, спасительное побуждение, – как вдруг за спиной ведьмы раздался вопль наподобие тех, какие исторгают иной раз теннисистки, бросаясь к краю корта. Напарница Марины, атаковавшая Леннокса, отползла к заграждению, а сам рыцарь в этот момент подбирал оброненный ею клинок. София поняла, что она и Саския теперь в безопасности, потому что оставшиеся трое бросились на Леннокса, предоставляя девушкам визжать и закрывать лицо руками в соответствии с законами психологической войны.

София переглянулась с подругой, и они стали красться мимо дерущихся по направлению к машине. На асфальте чернела кровь раненой ведьмы. Девушку затошнило. Между тем, рыцарь начал уступать, взмахи меча давались ему тяжелее, он все больше кружил и пытался выманить противниц на переговоры.

– Признайте, что съесть меня – плохая идея. Appetit все равно уже испорчен. Ну же! Я ведь приехал, чтобы защитить вас! Мы вместе найдем убийцу медиатора!

Снова раздался теннисный крик: одна из ведьм поскользнулась в луже крови. Леннокс тут же поразил ее в плечо, отбил удар Марины и опять принялся за дипломатию:

– РКС вам не враги. Сейчас не пятидесятые годы. Давайте поговорим!

Саския села за руль и выключила фары. Мост охватила ночная мгла, в которой темные фигуры продолжали свое кружение и обмен выпадами. Леннокс прекратил делать увещания, полагаясь теперь лишь на оставшиеся в измученном организме силы. Он устал, они тоже устали, но все равно: их было двое и они теснили его к машине, в которой затаились девушки.

– Включайте! – заорал рыцарь, когда пятиться уже было некуда.

Вспыхнули фары, ведьмы запоздало зажмурились, и схватка была кончена. Слепшую Марину Леннокс ударил мечом, а у последней из них просто выбил из руки клинок.

– Так, – сказал он, тяжело дыша. – Тебя я больше не трону. Не нарывайся. Тебе нужно еще привести помощь этой... боюсь, что остальных я убил. Если среди вас есть талантливые особы, то пускай сложат об этой битве песни. По правилам эпоса количество

побежденных возводится в квадрат и округляется. Поэтому сегодня я одолел ровно пятнадцать ведьм. Не слышали песни о Маривекрестоносце? Поется, что он убил восемьдесят сарацин, а их было-то всего девять. Между прочим, что вы сделали со стариком Одиерно?

– Симулякр под домашним арестом, – ответила ведьма, тоже тяжело дыша и глядя на него исподлобья. – Наказывать его бессмысленно, он же безвольный. Но не обольщайся, рыцарь. Вы всего лишь отсрочили свой конец.

– О большем я и не мечтал, – Леннокс удовлетворенно кивнул. Он помог ведьме оттащить хрипящую Марину с дороги, прислонил ее к ограждению моста и, пользуясь вынужденной покорностью со стороны своей жертвы, довольно долго шарил у нее за пазухой. Наконец, из слипшегося от крови кармана он вытащил то, что искал: ловца магии и свой браслет, состоявший, насколько разобрала София, из какого-то камушка на шнурке.

– Прощайте, сударыни, – воззвал он ко всем, (даже к тем, кто будучи мертв не мог его слышать) а потом добавил, обращаясь к единственно уцелевшей ведьме:

– На досуге, пожалуй, поработай над связками между ударами. Разучи пару финтов. Опробуешь на мне в другой раз.

После этого он отдал салют и направился к машине.

– Здорово! – закричали девушки, когда он уселся позади них. – Только у вас вроде бы идет кровь.

– Царапина, – заверил их Леннокс, да и мог ли он ответить иначе? Еще с прежних времен повелось, что рыцари, щадя девичьи чувства и не желая выглядеть слабаками, называют царапиной любое сколь угодно серьезное ранение; это не касается, вероятно, лишь отрубленных конечностей. Поэтому нет ничего странного в том, что самый популярный вид смерти среди рыцарей – это смерть от пары царапин, и уж совсем не странно то, что умерших от пары царапин частенько хоронят в закрытых гробах.

– Ну, раз вам нанесли всего лишь царапину, то пожалуйста, не залейте мне кровью сиденье, – предупредила Саския, но на всякий случай подала Ленноксу аптечку. – Ну что, едем домой наконец-то?

– Нет, – покачал головой рыцарь, раскупоривая пузырек с антисептиком. – Домой вам теперь нельзя. Едем ко мне в замок, в Вальмонсо.

Оглавление

Глава Пятая, в которой сон на рабочем месте оказывается эффективным розыскным методом.....	4
V. В поисках Сатурна.....	37

Тираж 50 экз.